



LUCKY

СВЕТЛАНА БЕЛОУСОВА

Светлана Белоусова

Lucky

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42369303

Lucky: SelfPub; 2019

Аннотация

Я приехала в чужой город по приглашению подруги, но попала в ситуацию, напоминающую какую-то абсурдную игру. Бывший мафиози, глава города, странный красавчик, отчего-то желающий мне помочь – это не один, а трое мужчин, которые хотят от меня того, о чем я не имею ни малейшего понятия. Но вот стоит ли разбираться во всей этой путанице? Ведь такой путь приведет их к моей тайне, которую я скрываю много лет от всех.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	4
Глава I	4
Глава II	11
Глава III	24
Глава IV	34
Глава V	44
Глава VI	54
Глава VII	68
Глава VIII	77
Глава IX	86
Глава X	95
Глава XI	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Светлана Белоусова

Луску

Часть первая

Глава I

21 мая 01:15

Ночь была безлунная, для конца мая удивительно черная. Может быть, именно поэтому, никто не обратил внимания на тёмный мужской силуэт, вышедший из старенького разбитого пикапа у моста молодоженов, столь любимого брачующимися. Место это располагалось в городском парке, который силами нового мэра приобрёл-таки вид приличный и где-то даже помпезный. Незнакомец нёс на плече огромный сверток. То ли мешок с мусором, то ли, не дай бог, упакованный в полиэтилен труп. Это же крайне неприлично таскать по ночам трупы. Нет, нет, нет. Только не в этом городе, последние несколько лет претендовавшем на звание столицы региона. Уж, по крайней мере, никаких указаний тас-

кать мертвецов в парках мэра не давал, а нынче все восемьсот пятьдесят девять жителей этого местечка без разрешения градоначальника лишней раз в туалет не сходят. Как бы то ни было, странный ночной путник подошёл к краю моста и, перевалив свою ношу через ограду, бросил ее вниз. С тихим плеском черный мешок упал в воду.

Через восемь часов после ночного происшествия

Фёдор Михайлович Корольков до жути гордился своим именем. Ещё бы. Как у великого русского писателя Достоевского. Тут вам не шутки. Особо ничего в его жизни от этого не менялось, но каждый раз, знакомясь с новыми людьми, он обязательно делал акцент на столь важном, по его мнению, факте. Только, если знаменитый тёзка кропал гениальные романы, господин Корольков увлекался вещами более интересными, но значительно уступающими историям об убийцах старушек-процентщиц. Являясь директором магазина нижнего белья, невысокий слегка пузатенький пятидесятилетний мужчина грешен был тем, что любил подглядывать за дамами, примеряющим бюстгальтера, а если повезёт, так и трусики тоже.

Для этих целей Федор Михайлович просверлил по-тихому дырочку в стене своего кабинета, той, которая совмещалась с примерочной. Частенько, закрыв дверь на ключ, ми-

лейший человек и порядочный семьянин отодвигал в сторону картину, прикрывавшую его хобби от чужих глаз, и принимался наслаждаться открывающейся картиной. К процессу он подходил творчески. Не просто смотрел, но и мастурбировал, теребя свой вяленький член, лет пять уже не желавший принимать гордую позицию «стоя».

Собственно говоря, этот день ничем не отличался от предыдущих. Выполнив всю необходимую работу с документацией, Федор Михайлович повернул ключ в замке и припал к чудесной дырочке, открывающий ему волшебный мир женских грудей. В примерочной, слава богу, кто-то был. Лица сластолюбец не видел, а вот упругие шикарные сисечки четвертого размера, не меньше, мелькали буквально перед его глазом. Только он расстегнул ширинку, чтоб достать свое слегка приподнявшее голову достоинство, как в примерочной появилось новое действующий лицо. Мужчина. Однозначно.

– Ты зачем сюда приперлась? Я же сказал, сидеть дома и не высовываться.

Ого. Грозный какой, подумалось господину Королькову. Вот гад. Обламывает весь процесс. Федор Михайлович так ждал этого момента, и что теперь. Слушать их разборки?

– Милый, – заканючила женщина, – ну, мне так скучно.

– Дура, – отрезал незнакомец, – ты чего больше хочешь, денег или веселья?

Что показательно, этот тип совсем не обращал внимания

на прекрасную грудь таинственной дамы, остающуюся все так же обнажённой. Ну, точно какой-то урод, подумал Федор Михайлович, в понятии которого, каждый нормальный мужчина, оказавшись рядом с такими привлекательными сисечками, упал бы в них лицом, чтоб остаться там навсегда. По крайней мере, сам Корольков поступил бы именно так.

– Алекс, прекрати. Ты же знаешь, конечно, я хочу денег. И тебя.

Дамочка прижалась к невидимому собеседнику, взяла его руку, а потом засунула себе под платье.

– Попробуй. Видишь, как я хочу вас обоих: самого лучшего мужчину и самое огромное бабло.

Федор Михайлович понял, что попал на небеса. Такого представления он ещё не видел.

– Ну, ты и сучка, – протянул счастливчик, – трахнуть тебя, что ли?

Дамочка захихикала, задирая платье и опираясь спиной о стену, которая шла перпендикулярно кабинету господина Королькова, а значит, вид у него теперь был – лучше не придумаешь. Прямо как на ладони.

– Давай, милый. Хочу тебя сейчас.

Федор Михайлович застыл, ожидая продолжения. Таинственный незнакомец подошёл к женщине, елозящей перед ним обнаженными бёдрами и, судя по лёгкому придушенному всхлипу, ухватил ее за горло.

– Такая ты красивая, дорогуша, что глаз радуется, – про-

изнес голос, почему-то упорно казавшийся директору знакомым, – а вот дура, редкостная.

Раздался звук расстегиваемой молнии. Федор Михайлович почувствовал, как по спине скатилось несколько капель пота, то ли от возбуждения, то ли от затянувшегося ожидания. Наконец женщина, застонала, выгибаясь навстречу своему таинственному собеседнику, который резко двинул бедрами, входя в нее полностью. Господин Корольков, находясь в том состоянии, которого его супруга не видала уже лет десять, дергался своей изрядно обвисшей задницей в такт движениям того самца в примерочной. А иначе и не назовешь, потому что женщина, обхватив его ногами, извивалась с таким энтузиазмом, будто секса ранее у нее вообще не было, а если и был, то так себе, пшик. Мужчина продолжал зажимать ее рот, дабы та не привлекала покупателей и продавцов своими стонами, но, магазин находился в торговом центре, где шум и гам стояли настолько сильные, что вряд ли кто-то в чем-то мог их уличить.

Федор Михайлович отхватил огромный кусок счастья, потому что не только смог наблюдать полноценное соитие, но и даже ухитрился кончить, одновременно со жгучей парочкой. Однако мужчина не торопился отпускать свою партнершу. В какой-то момент Королькову показалось, что она хрипит уже не от страсти, а от банального удушья. Директор стало страшно, но оторваться от созерцания этой картины он почему-то не мог. Женщина задергалась, пытаясь вырваться, но

невидимый обладатель знакомого голоса держал ее крепко. Федор Михайлович понял, что все закончилось, когда она тряпичной куклой сползла по стене, упав на пол. Теперь он видел ее лицо. Красивая. Очень красивая. Таких женщин у него в жизни отродясь не было. Длинные черные волосы разметались по полу, пухлые губы с размазанной кроваво-красной помадой приоткрылись, а глаза, не мигая смотрели прямо.

Умерла, понял директор. Он отошел от своего наблюдательного поста, повесил картину на место и сел за стол, ожидая начала паники. Руки мелко дрожали, а сердце отвратительно поднывало. Все началось через час. Какая-то покупательница заглянула в кабинку примерочной, и раздался громкий крик. Прибежали продавцы, кто-то пытался вызвать скорую, сотрудники торгового центра выгоняли любопытствующих покупателей.

– Федор Михайлович, у нас там труп в примерочной! – рыдая, причитала администратор Лариса, вломившись к нему без стука.

Где-то минут через тридцать, на удивление быстро, объявилась полиция.

Все попытки найти хоть каких-то свидетелей имели нулевой результат. Никто эту женщину не видел, не помнил и не знал. Господин Корольков договорился с полицейскими убрать труп побыстрее, но сам в примерочную заходить не стал. Эти глаза, смотрящие в одну точку, хотелось выкинуть

из памяти как можно быстрее. Он желал только помнить ее стоны и большую красивую грудь с темными сосками. Все остальное – страшный сон. Не было. Привиделось.

Когда, наконец, этот безумный день подошел к концу, Федор Михайлович, задержавшийся из-за чрезвычайного происшествия дольше обычного, вышел из лифта на последнем этаже, где по странной логике строителей, располагалась стоянка. Машин практически не осталось. Многие, услышав о несчастном случае, поторопились покинуть торговый центр, где вот так запросто убивают людей.

Корольков остановился перед своей старенькой «Ауди» и попытался достать из кармана ключи, которые, как назло, тут же вывалились из рук. Нагибаясь, чтоб поднять их с земли, директор не услышал приближающихся шагов и не успел испугаться, прежде чем тонкая удавка обхватила его шею. Все произошло настолько быстро, что он, вообще в принципе ничего не понял. Рядом с упавшим на пол сластолюбцем присел мужчина. Высокий, широкоплечий, а вот лица не смог бы разглядеть даже очень зоркий наблюдатель. Оно было прикрыто натянутой практически на самые глаза бейсболкой.

– Не обессудь, старый дровича, но ты слышал мой голос.

Незнакомец похлопал Королькова по щеке, а затем направился к выходу со стоянки, насвистывая легкий попсовый мотивчик.

Глава II

Находиться в чужой квартире было как минимум странно. По началу, мне вообще казалось, что вот-вот в дверь постучит кто-нибудь из Наташкиных родственников и выкинет меня на лестницу вместе с чемоданом. То, что мы с ней придумали, в перспективе мерещилось авантюрно-увлекательным приключением, в реальности оказалось – холодными чуждыми стенами, незнакомым городом и отсутствием хоть одной мало-мальски близкой души.

Я познакомилась с Натой через интернет. Она занималась продажами в соцсетях, а я просто проводила во всемирной паутине большее количество своего времени. Почему? Ответ очевиден. Все женщины с неудовлетворенной личной жизнью пытаются компенсировать отсутствие нормального, а иногда и просто хоть какого-нибудь мужика, философскими статусами, общением с такими же одиночками в группах, и, естественно просмотрами всевозможных историй любви, которая вот-вот нагрянет, когда ее совсем не ждешь.

Я пребывала на тот момент в глубоких страданиях по своему бывшему, на которого угробила без малого пять лет. Пять! Сука! Лет! Мои одноклассницы уже потомство в детский сад водят, а я к двадцати шести годам имею лишь квартиру, доставшуюся по наследству от бабушки, кота странной породы и мерзкого характера, да прогрессирующую депрес-

сию.

Мы несколько раз обсуждали какие-то темы с Натальей, потом немного поболтали о жизни, а вот уже потом, связавшись через скайп, рыдали каждая у себя за кухонным столом с бутылкой водки и однозначным мнением, что все мужики козлы, но все же хотелось бы в свой огород заманить какого-нибудь приبلудившегося козленочка.

Так началась наша не то, чтобы дружба, но приятельство уж точно.

В какой-то момент вся эта рутинная тоскливая мутотень надоела так, что мне в голову, не иначе как все от той же прогрессирующей депрессии ведущей прямой дорожкой к вялотекущей шизофрении, пришла мысль, устроить отпуск по обмену. Видела такую историю в одном фильме. Там две героини поменялись на время местом и образом жизни. Одна отправилась из Англии в Америку, а вторая наоборот. Соответственно, после этого все у них стало прекрасно. Любовь, конечно, прилагалась в первую очередь. Правда американке в исполнении Камерон Диас достался красавчик Джуд Лоу, а вот Кейт Уинслет, играющей англичанку, выпал толстенный Джек Блэк. Ну... счастье может иметь разное лицо. Тут уж не до жиру.

Вот такой вариант я предложила Наталье. Она сначала отказалась, сославшись на очень важные дела, которые бросить никак не возможно. Однако пару дней назад позвонила мне среди ночи, изрядно напугав, и рыдая крокодильими слеза-

ми, заявила, что чемодан уже собран, и она мчит на вокзал.

Ключ подруга оставила под ковриком (поразительная халатность по нашим временам) а в кухне на стол положила записку с кратким описанием всего того, что может понадобиться мне в ее городе.

Поутру, пока угар от предвкушения будущих приключений не утих, я рванула за билетом, оставив Наташке такое же письмо, а ключ предусмотрительно отдала соседке, дав ей четкие указания всех впускать и никого не выпускать. Шучу. Попросила на самом деле отдать ключи только Наталье Ивановне Носовой, которая прежде покажет какой-нибудь удостоверяющий личность документ, потому что вообще-то к авантюризму я никогда склонностей не имела, а наоборот была иногда до жути педантична и положительна. Мой бывший так и сказал: «Лизка, если я тебя не брошу, то удавлюсь с тоски, а жить пока еще очень хочется».

И вот я в чужой квартире с полным осознанием собственной бестолковости. Чем мне тут заниматься целый месяц? Денег у меня не больше десяти тысяч, особо не разгуляешься. Правда, успев изучить кухонные шкафчики и кладовку на предмет наличия запасов, я обнадежилась видом всех возможных круп, сухарей и рыбных консервов. Наташка либо готовилась к долгой осаде, либо наоборот, собиралась заманить себе какое-нибудь счастье посговорчивее, а потом держать в плену до полной капитуляции. Не иначе план сорвался, отчего она и ревела белугой той ночью, когда согласилась

на обмен.

В этот момент мои размышления прервал звонок в дверь.

Я села мимо стула, больно ударившись копчиком о пол. Вот и подошли мои каникулы к завершению. Настойчиво крутилась мысль, вдруг у нее есть какая-нибудь родня. Мы так-то о семье вообще не беседовали, только про мужиков. Если это явились представители семейства, что им говорить? Здравствуйтесь, я буду жить тут вместо Наташи. Ну, что ж я такая идиотка. Ничего не узнала, ни о чем не расспросила, а, когда пару часов назад попыталась дозвониться Нате, номер оказался выключен или вне зоны доступа.

Звонок снова настойчиво намекал, что за дверью вообще-то меня ждет такое желанное несколько дней назад приключение.

Я на цыпочках подкралась к двери и очень осторожно посмотрела в глазок, стараясь, чтоб с той стороны этого не поняли. На лестничной площадке стоял парень. Очень высокий и очень широкий. Думаю, в спортзале он проводит половину своего дня, потому что косая сажень его плеч навела невольные мысли о том, как здорово притулиться за такой спиной, чтоб идти по жизни рука об руку. Неужели вот так, прямо в первый день, исполнится моя мечта? Господи, может, есть оно все-таки, счастье то?

Я гордо выпрямилась, поправила сбившийся на бок хвост, челочку, похлопала слегка щечки, чтоб обозначился девичий румянец, и широко открыв дверь, шагнула навстречу

светлому будущему.

Однако будущее одновременно шагнуло ко мне, от чего мы столкнулись, аки два горных барана на узкой тропе, в горячах не соображая, что кому-то одному надо уступить. Я перла на него, а он на меня. Учитывая разницу в весовых категориях, через две секунды мы уже стояли в квартире, потому что одним шагом он сдвинул меня с места сразу, почти что, на метр, даже не заметив сопротивления моего тела.

– Наталья Носова?

Радости в моих глазах подубавилось. Вот и все. По Наташкину душу пришел добрый молодец. Можно расслабиться.

– А что Вы хотели?

Надежда еще оставалась. Может он – почтальон, может газовщик, явился проверять стояк. Что ж я вот так сразу от мужика-то отказываюсь.

– Наталья Носова, это – ты?

Тут я вспомнила бывшего, упрекавшего меня в сухости и бесперспективной серости. Может действительно нужно правильно расставить приоритеты? Ели любят они бедовых баб, что ж не попробовать.

– Да. Я – Носова.

– Хорошо, – кивнул парень и, ухватив меня за шкурку, понес к выходу.

– Эй, ты чего?!

Я извивалась, брыкалась и всячески старалась вырваться, но с таким же успехом могла бы лупить головой о бетонную

стену, то есть толку ноль, а организм в волнении.

– Это была шутка, придурок. Я не Носова! Не Носова! Слышишь?

Молодец завис в дверях, опустив меня, наконец, на пол.

– Ленинский проспект дом двадцать пять квартира семнадцать?

– Правильно, – ответила я, старательно одергивая задрывшуюся блузку, перекосившуюся юбку и, вот блин, порвавшиеся колготки.

Хорошо хоть не успела переодеться с дороги, а то пер бы этот шкаф меня в халате, который распахивается от малейшего движения ресницами, а не то, что вот от таких движений.

– Значит ты – Носова Наталья.

Бугай снова цапнул меня в свои гориллоподобные руки и попер опять на выход.

– Да что происходит? Отпусти! Я сейчас закричу.

– Эй, Васек, что там твориться?

Мама моя дорогая, по лестнице на подмогу первому гостю поднимался второй. Тот же двухметровый рост, та же весовая категория, только в глазах значительно больше сообразительности.

– Простите, пожалуйста, не могли бы Вы объяснить своему другу, чтоб он поставил меня на ноги. Дело в том, что я не та, кто ему нужен.

– Да? – заинтересовался новоприбывший. – А кто же ты

тогда? Нам вот позарез нужна Наталья Ивановна.

– А я – Елизавета Максимовна.

– Ух, ты, – расцвел он в улыбке, – ну, надо же, как бывает. Нам сказали блондинка, глаза серо-зеленые, носик слегка вздернутый, губки бантиком. Да и фотка есть. Глянешь?

Парень достал из кармана снимок очень поганого качества. Я нарисовала бы, наверное и то лучше. На фоне плохо освещенной улицы в пол оборота стоит светловолосая девушка с волосами собранными в хвост. На меня похожа, и на Наташку похожа, и вообще в принципе похожа на любую особь женского пола, потому что фотка нечеткая и смазанная.

– Ну?

Я в изумлении уставилась на того, что сочла более умным. Тычет мне в рожу какую-то фигню, считая ее доказательством своей правоты.

– Что «ну»?

– Ты?

– Где именно? Если конкретно тут, то я. Если ты про это, – я ткнула пальцем в снимок, – то меня там точно нет.

Парень внимательно посмотрел на фотку, потом на меня. Потом на фотку. Потом снова на меня.

– Ты мне чего горбатого лепишь? Вот же. Блондиночка, худенькая, с длинными волосами.

Васенька все это время просто стоял рядом и иногда издавал звуки, похожие на мычание. Господи, а я-то его по пер-

вой приняла за счастье.

– Короче, – рявкнул тот, что поумнее, – едем к босу, он сам разберется.

В этот момент я поняла, что настало время не просто волноваться, а сильно озадачиться собственным спасением. Никакие таинственные босы меня не прельщали, более того, даже, пожалуй, отпугивали. Это слово имело для меня четкие ассоциации. Мафия, наркотики, смерть, Дон Карлеоне. Если убрать последний пункт, потому что в здешнем бандитском подполье, скорее всего и имени-то такого не знают, оставшаяся схема, по-моему, укладывалась вполне в сложившуюся ситуацию.

Попытка бегства была пресечена на месте большой рукой молчаливого Васеньки, в который раз ухватившей мою многострадальную шкуру.

Учитывая взгляд соседки, попавшейся нам навстречу буквально через один этаж, который она очень быстро отвела в сторону, явно узнав парней, стало понятно, ори не ори, а их тут боятся больше, чем меня пожалеют.

Смирившись с участью героини комедии положений, я послушно дотопала до черного «Мерседеса», села на заднее сиденье, и мысленно принялась молиться, вспоминая все грехи, как говорится вольные и невольные. При моей скучной и однообразной жизни вторая чаша весов, как ни странно, стала перевешивать в сторону, далекую от райских кущей. Эх, не видать мне чудесного спасения.

Через некоторое время мы въехали на территорию шикарного дома. Что-то подобное я видела только в кино. Мафия. Как пить дать, мафия.

Васенька вытащил меня из машины и подтолкнул вперед, куда-то в сторону заднего двора.

– Эй, потише! Машешь ручищами налево и направо. Я, между прочим, девушка. Существо нежное.

Умник, идущий сзади, громко хмыкнул, не понятно в чем сомневаясь, то ли в том, что я – девушка, то ли в том, что нежная. Оба случая больно ранили мое трепетное сердце и злобу на этого гада я затаила. Земля круглая. А бумеранг всегда возвращается.

Обойдя дом, мы оказались в просторном саду с высокими ухоженными деревьями и красивыми газонами. За круглым столом в кресле-качалке, прикрытый большим светлым зонтом сидел мужчина, лет пятидесяти. Обычного совершенно вида, пожалуй, даже с излишне простоватым лицом. Прямо добродушный сосед-пенсионер. Если бы не взгляд. Холодные, выстуженные глаза. Такой наступит, раздавит и даже не заметит.

– Здравствуйте.

Я – девушка культурная. Меня всегда учили уважать пожилых людей.

– Ну, привет. Наталья.

Честно, начинает уже подбешивать.

– Я не Наталья. Я – Лиза.

Мужик выжидающе уставился на умника, видимо изначально зная, что с Васеньки спроса никакого.

– Да брешет, Фома Ильич. Васька в квартиру позвонил, она дверь открыла. Он спросил, мол, ты Носова, а девка подтвердила. Это теперь плетет, потому что знает, что за денежки-то спросят.

Вот тут мне по-настоящему стало плохо. Какие, блин, денежки? Ну, Наташка, ну, стервь, во что ты меня втянула?

– Так и было? – обратился благообразный «пенсионер» ко мне.

– Да. Но я не Наталья. Это все – одна большая случайность.

– Хорошо, – кивнул головой мужик, – если ты не Наталья, зачем сказала, что Наталья?

– Думала, счастье мое явилось. Вот и заклинило. Он спросил про Носову, а я решила, может мастер пришел, так скажу, что я и есть она.

– Кто мастер? Васька? – удивился моему идиотизму дядька.

– Ага, – заржал умник, – мастер-ломастер.

Мне за суженного даже обидно как-то стало. Что ж они его вот так, неуважительно.

В этот момент к нашей веселой компании добавился еще один человек. Я настолько потрясных мужиков не видела в своей жизни никогда. Вообще. Он не был излишне накаченным, как мои провожатые. Больше походил на хищника.

Поджарый, дикий, готовый в любую секунду порвать горло жертве, но при этом охренительно сексуальный. Господи, я до этого момента и слов-то таких не знала. Его лицо не было красивым канонически. Может нос чуть с горбинкой, разрез глаз ближе к восточно-азиатскому, но харизма перла от него такая, что волнами сбивала с ног. Мужчина, который никогда ни о чем не просит. Просто подходит и берет. Он шел к нам, одетый в одни только легкие брюки, держа футболку в руках, и я видела, как перекачиваются мускулы под его загорелой кожей. Черные волосы были подстрижены коротко, открывая высокий лоб и взгляд темно-карих глаз, в глубине которых плескалась откровенная насмешка над всеми окружающими в частности и над этой жизнью в общем.

Незнакомец первым делом подошел к хозяину дома, наклонившись, пожал руку, слегка прикоснувшись плечом к плечу. Как пить дать, мафия. Все вот эти приемчики я видела в кино про Крестного отца.

– Что тут у тебя, Фома Ильич?

Конечно же красавец обладал умопомрачительным голосом. Иначе и быть не могло. Вот она, моя мечта. На расстоянии вытянутой руки. Вопрос в том, что эту руку мне в ближайшее время могут или сломать, или вообще оторвать к чертям собачьим.

– Да вот, привезли ту самую Носову, помнишь? А она утверждает, что звать ее вовсе не Наташка, а Лизка. И фамилия, говорит, тоже не ее.

– Да? Бывает. А что, паспорта нет у твоей гостьи? Вот бы разногласия и решили сразу.

Все присутствующие уставились на меня, а я, покраснев, в землю. Потому что стыдно было рассказывать чужим людям, тем более, когда тут всякие сексуальные мечты ошиваются, о том, какая им досталась дура.

– Ээээ, видите ли... я его забыла в поезде. Так получилось. Оставила на столе в купе и вышла. Поезд теперь обратно уехал в мой город. Я соседке позвонила, она его там заберет у проводницы. Но вот сейчас я вам показать ничего не могу.

Фома Ильич, усмехнувшись, развел руками.

– Ну, вот видишь, как выходит. А пока нет у тебя паспорта, остаешься ты Носовой Натальей, которая должна вернуть мне пять миллионов, скомунизженных пару дней назад.

– С ума сошли!

От испуга и возмущения я вообще забыла, где нахожусь и с кем разговариваю.

– Да я пять миллионов рублей в глаза никогда не видела.

– Рублей? – переспросил «пенсионер», – Издеваешься? Долларов, милая, долларов. Сроку тебе неделя. Убегать не пытайся. Этот город – мой. Я тебя везде найду. Да и Саша за тобой присмотрит. Не откажешь старику в просьбе? – обратился он к красавцу.

Саша посмотрел на меня с тоской во взгляде, видимо не особо радуясь перспективе провести время в обществе серой

мышы, но, похоже, мужика уважал крепко, поэтому молча кивнул головой.

Я же стояла посреди этого шикарного сада и думала о том, какая же все таки Наташка стервь.

Глава III

Пётр Макарович Охрителько, в отличие от безвременно почившего господина Королькова, не гордился ни именем, ни фамилией. Как можно гордиться тем, что изрядно пованивает колхозом и рабоче-крестьянскими корнями. Причина его счастливо сложившейся жизни была в другом. Не всякий сумеет подняться от уровня бандита, промышленяющего в лихие девяностые рэкетом и разбоем, до уровня мэра. Эта дорога устлана изрядным количеством трупов, но результат того стоил. Особенно тяжело было в переходный момент, когда Пётр Михайлович решил стать добропорядочным слугой народа, а народ, вот ведь удивительно, принял-ся активно сопротивляться такому счастью. Посыпались статейки в местных газетах, напищенные громкими лозунгами передачи по городскому телевидению. Но Пётр Макарович отличался козлиным упрямством и бараньей настойчивостью. Кого-то пришлось припугнуть, кого-то отвезти на природу для душевного разговора, но главное, его поддержали столичные хозяева, что однозначно склонило чашу весов в пользу нового мэра.

Теперь господин Охрителько сидел на мягком кожаном кресле, широко расставив свои толстые ляжки, и смотрел вдаль туманным взором, решая два извечных вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?». Под столом, выражая глубокую

признательность за все тяготы, легшие на его плечи вместе с должностью, трудились хорошенькая секретарша Леночка, вдохновенно делая шефу минет. «Хорошая девочка. Надо ей, что ли, премию выписать», – мелькнула в голове градоначальника ленивая мысль.

Однако даже такое приятное исполнение служебных обязанностей не расслабляло его напряжённые нервы. Не давеча как вчера, в торговом центре какой-то мудака задушил его постоянную любовницу. Маргарита, конечно, была ещё той сукой. Высосала Петра Макарович и в прямом, и в переносном смысле. Все время ей что-то хотелось. То норковое манто, то новую машину, то бриллиантовое кольцо. Учитывая его должность, о наличие жадной красотки знало очень ограниченное количество людей. Личный водитель Владимир, Леночка, частенько отправлявшая на адрес любовницы подарки и родная жена, так не вовремя вернувшаяся из Европы, в тот момент, когда новоявленный мэр отмечал свое назначение, трудясь в поте лица над жгучей брюнеткой в супружеском ложе. Анастасия, прошедшая в свое время вместе с ним, как говорится, все тяжкие, такого рвения не оценила, за мужа вовсе не порадовалась, а просто молча взяла матерившуюся Марго за волосы и выкинула на улицу, в чем мать родила. Петру Михайлович такой кордебалет вылился в приличную сумму денег, поступившую на счёт ювелирного магазина. Что делать, если уже несколько лет, он испытывал страсть только к этой брюнетке.

И что теперь? Во-первых, кто посмел? Пётр Макарович крайне не любил, когда портили его имущество. Во-вторых, кто узнал? Чутье, воспитанное господином Охретько во времена буйной молодости, его никогда не подводил. Он точно знал, убийство Марго имеет к нему самое непосредственное отношение.

В какой-то момент Леночка настолько увлеклась, что немного поцарапала доверенный ей мэрский член острыми зубами. Пётр Макарович матернулся и решил премию не давать. Пусть ещё постажируется для повышения квалификации.

– Добрый день.

Дверь в кабинет распахнулась, явив, готовому совершить торжественное семяизвержение, мэру его помощника по самым, что ни на есть, важным вопросам. Ну, Ленка, ну, дура, даже замок не догадалась закрыть.

Секретарша, вздрогнул от неожиданности, ударилась головой о стол, чуть не откусив по неосторожности начальнику его очень важную для города часть тела. Разве же это мэр, коли у него члена не станет? Так, одно посмешище. На чем он тогда будет вертеть свой электорат?

– Иди отсюда, идиотка, – буркнул изрядно обломавшийся господин Охретько.

Леночка шустро выскочила из кабинета, поправляя вывалившуюся из разреза блузки грудь, которую Пётр Макарович наминал, в процессе их общения.

Илья, отвечавший за связи мэра с теневой стороной жизни города, тактично сделал вид, что ничего не видел. Умный парень. Далеко пойдёт.

– Ну?

Пётр Макарович придал своему тону необходимой строгости, а взгляду соответствующего гнева.

– Узнали?

– Никак нет. Данная особа последнюю неделю не бывала в местах, который могли бы пролить свет на её смерть. Всё по обычному расписанию. Салоны, магазины, поход в ресторан с подругами.

– Может все же маньяк? – с надеждой уставился на мэра Илья.

Господин Охритько встал из-за стола и подошёл к окну, изучая суесящийся на улице народ.

– Маньяк, говоришь? Нет, друг мой сердечный. Жопой чувю, под меня копают. Никак Фома решил-таки припомнить старые счёты?

Илья был одним из немногих, доподлинно знавших, каким образом Пётр Макарович расстался с бывшим корешем, в свое время состоявшим с нынешним мэром в одной группировке. Кинул он дружка так, что другой на его месте не ушёл бы живым. Однако господин Охритько всегда отличался животными инстинктами и сумел обставить свой уход из преступного мира так, что сколько бы не бесился Фома, а сделать ничего не мог. Теперь они сидели по разные стороны

баррикад, ведя холодную войну с попеременным успехом.

– Тут ещё вот какое дело. Подпольное казино, что Вам платит. Его разгромили ночью подчистую. Типа пьяная драка. Несколько трупов и напуганные посетители, которых теперь туда под страхом смертной казни не заманишь.

Мэр раздражённо поморщился. Ну, точно, без Фомы не обошлось.

– Да, ещё бордель, который на выезде.

– Что, тоже пьяная драка?

– Хуже. Менты с телевидением нагрянули.

Пришлось отстегнуть Мамочке, чтоб она языком не триндела.

– Нет, ты посмотри, как метёт, урод жопорукий. Понабрали приезжих.

Злость распирала Петра Макаровича со страшной силой. Изрядно хотелось достать ТТ, спрятанный в ящике стола и засадить парочку пуль в голову нерадивого дворника. Эх, как же иногда не хватает той воли, которая была у него много лет назад.

– С Москвой связывались?

– Конечно. Ещё вчера. Они уже прислали человека. По их утверждению он способен решить все Ваши проблемы. Сидит в приёмной.

– Имя?

Задавая вопрос, господин Охритько уже догадывался, что услышит.

– Мутный тип. Представился как Сыч.

– Твою мать! И ты держишь его за порогом! Совсем охренел! Зови быстрее, да не забудь извиниться. Сегодня срочно организуй ему культурный отдых со всеми почестями.

Новое поколение. Совсем не знает героических имён. Сыч. Человек крайне популярный в определённых кругах, но мало кому известный в лицо. Однажды мэр имел такую оплошность, познакомиться с ним лично, но иначе проблему с беснующимся Фомой тогда было не решить.

В кабинет, вслед за лебезившим перед гостем Ильёй, вошёл мужчина, возраст которого было крайне сложно определить. Может тридцать пять, а может все пятьдесят. Человек без лица. Такого увидишь на улице, ударишься с ним лоб в лоб, а через пять минут уже не вспомнишь, как он выглядел.

– Рад приветствовать. Крайне рад.

Пётр Макарович устремился навстречу своему спасению, всячески демонстрируя счастье от этой встречи.

– Не мельтеши, – обрубил гость, располагаясь в кресле хозяина кабинета.

Хамло бандитское.

– Что, Петруша, не оставляют тебя в покое супостаты? Расслабились, забыли, кто тут хозяин.

– Всё верно, Сыч. Так и есть. Не вижу покоя совсем. Думаю, Фома решил старые счёты припомнить.

– Фома, – задумчиво протянул лучший киллер всего российского пространства, – очень сомневаюсь. Он отморожен-

ный, конечно, но не идиот.

– Так больше некому. Не посмеют. Гастрологов залетных тоже у нас уже много лет не было. Сам знаешь, как в твой последний приезд порядок навели, никто слова против сказать не посмеет.

– Это верно. Ну, что ж, Фома, так Фома. Мне без разницы. Только, смотри, какая история выходит. Времена сейчас иные, к закону излишне привязанные, потому действовать будем по-другому. Нет ли у тебя, слуга народа, должника какого. Желательно, застрявшего по самые уши.

Пётр Макарович бросил говорящий взгляд в сторону Ильи, который тут же достал небольшой планшет и принялся изучать список возможных кандидатов.

– Ээээ... Есть одна персона. Там должок под миллион накопился. Загвоздка в том, что баба.

– Баба? – заинтересовался Сыч, – это очень даже хорошо. Пожалуй для нашей цели исключительно подходяще. Кто такая?

– Носова Наталья Ивановна. Заняла в экспресс-деньгах на начало какого-то бизнеса, да прогорела. Вот теперь вместе с процентами сумма такая и набежала. Только сегодня хотел к ней ребят отправить, чтоб трягнули малясь.

– Ясно. А кредитная организация, я так понимаю, через пять левых человек принадлежит тебе, Петруша?

– Что делать? На одну зарплату не проживёшь. – Скромно поступился градоначальник.

– На мэрскую-то? Ну и запросы у тебя, прощелыга.

Илья даже опешил от столь неуважительного обращения к начальству. Господин Охрителько предпочёл не заметить панибратства. Ну его, возмутишься, придётся самому со всем разбираться. Это в лучшем случае. В худшем, обидится гость, так потом возляжешь рядом с родственниками на семейной могиле. Пусть хоть говном обязывает, лишь бы все уладил, да убрался поскорее.

– Значит так. Нужно, чтоб прямо сегодня твои ребятки привезут девку к нам в гости. Пообщаемся. Посмотрим на неё. Впрочем, думаю для реализации моего плана она в любом случае подойдёт. Баба, это тебе не мужик. – Многозначительно закончил свою речь Сыч.

Пётр Макарович активно кивал головой, полностью с этим соглашаюсь. Действительно, баба, не мужик, ей и вперёдлить при необходимости можно, и другое какое применение найти. А мужик что? Пользы с него совсем нет. Сидит у него толпа, которая должна избавлять светлую мэрскую голову от забот, а толку-то? Пришлось помощи в столице просить. Господи, вот бы уже быстрее все закончилось. Больше всего, если честно, Маргошу жаль. Трахать-то теперь кого на досуге? Такую знойную красотку по нынешним временам, тяжело найти. Все, как рыбы варёные.

– А куда девку-то привозить? – уточнил Илья.

Нет, как есть, одни идиоты вокруг.

– Она для нас одноразовый исполнитель. Так что тащите

в сауну, где мы с Петрушей отпразднует встречу. Я ж так понимаю, культурная программа, как обычно?

Господин Охритько хотел было возмутиться, что его так впрягают в непосредственный процесс, однако вспомнил, значение слова «одноразовая» в устах Сыча и промолчал. Значит, грохнет приезжий гость бабенку после того, как она выполнит его задумку. Ну, а при таком раскладе, хрен с ней. Пусть доставят пред его светлые очи. Может, удастся развлечься немного. Как там она, интересно, выглядит?

– К Фоме, пока что, не лезь. Позволим ему радоваться жизни. Меня, если кто заинтересуется, представишь новым партнёром.

Градоначальник соглашался с каждым словом Сыча, от всей души желая, чтоб эта чёрная полоса закончилась, наконец, позволив ему жить во благости, как раньше.

– Бабу не бить, сильно не пугать. Тактично пригласите в гости и привезёте часам к девяти вечера по нужному адресу.

Сыч поднялся и направился к выходу.

– А за Вами куда машинку прислать? – кинулся ему вслед Илья.

Гость остановился, изучая парня, немного подсыкивающего от его пронзительного взгляда.

– Уверен, что хочешь это знать?

Илюша вздрогнул, почувствовав, как холодный страх пронзил каждый позвонок, и молча покачал головой из стороны в сторону.

Сыч исчез за дверью, а Пётр Макарович в изнеможении рухнул на кожаный диван, стоявший в кабинете для посетителей.

Ну, все. Процесс запущен. Теперь у этой истории только один конец. Человек, который решит все проблемы. Очень верное определение. Главное, самому под этот каток не попасть.

– Позови Ленку. Пусть закончит наше с ней совещание. – Бросил мэр уходящему помощнику.

Хрен его знает, куда и как все вывезет.

Глава IV

Я вошла в Наташкину квартиру, закрыла дверь и рухнула на пуф, стоящий рядом с обувной полкой. Вот это молодец, Лиза. Вот это устроила себе каникулы с возможным билетом в один конец.

Кто ж знал, что моя новая подружка свистнула у местного авторитета пять миллионов долларов. Ничего себе, запросы у Наташеньки. Я снова попробовала набрать её номер. Результат тот же – отключён или вне зоны доступа. Ладно. Есть ещё соседка.

Таисия Сергеевна ответила сразу.

– Здравствуй, Лизонька. А к тебе так никто и не приехал. Ключи все ещё у меня.

Вот так номер. Зачем Наташка все это устроила, если не собиралась жить в моей квартире? Затем, дура, ответила, я сама себе, чтоб ты припёрлась в её город и заняла место этой авантюристки. Что уж тут непонятного? Прибить Наташку хотелось очень сильно, а жить – ещё сильнее.

Самое главное, что взять эти проклятые миллионы мне негде. Хоть через неделю, хоть через пять минут.

Я прошла в кухню и осторожно выглянула в окно. Чёрный автомобиль по-прежнему стоял там, где меня высадил смущающий разум и терзающий девичье сердце своей брутальностью, Саша. Сбежать не получится. Да и куда? В попытке

доказать, что произошла чудовищная ошибка, я выложила имя, фамилию и свое настоящее место жительства.

В кухонном шкафу нашлась початая бутылка водки. Хлопнув от безысходности рюмашку, я лихорадочно принялась искать выход из сложившейся ситуации. Вариантов, хоть убей, не было никаких. Печатать баксы я не умею, а Фома Ильич вряд ли решит простить мне какие-то жалкие пять мультов. Тупик, однако.

После второй рюмки, принятой на голодный желудок, в моей голове стали всплывать все просмотренные когда-либо фильмы про мафию и криминальных авторитетов. Память упорно рисовала светлый образ Саши Белого из «Бригады», что никак помочь в сложившейся ситуации не могло. Блатная романтика осталась в девяностых, уступив место здоровому прагматизму.

С тоской посмотрев на ещё достаточно полную бутылку, я велела бунтующему организму, не приученному к спиртному, успокоиться, и снова налила стопочку.

Ближе к вечеру моё немного шатающееся и возлюбившее всех окружающих тело обозначилось во дворе.

– Ты куда, убогая? – тут же выскочил из машины дремавший красавец.

– Сашенька, радость моя! Топиться иду. Есть у вас тут какое-нибудь романтическое место, где возможно покончить жизнь самоубийством приличной девушке?

Ноги подкосились и я, повинувшись движению земного ша-

ра вокруг собственной оси, повисла на парне, который, матерясь, пытался отодрать свалившееся на его голову счастье.

– Угомонись, идиотка. Налакалась что ли?

– Не сметь!

Я гордо выпрямилась, насколько это было возможно в моем состоянии и, задрав подбородок, продемонстрировала хаму, насколько мне неприятны эти вульгарные обвинения.

– Вы, Александр, грубиян и бандит.

С этими словами истинная леди направилась в сторону проспекта, по которому проносились спешащие автомобили. Красавец бросился следом. Однако злой рок, преследующий меня момента появления в этом городе, перекрыл ему дорогу в виде компании выскочившей из подворотни молодёжи.

Стоило мне ступить на тротуар, рядом остановился большой джип, и на свет божий появились хмурые гориллоподобные товарищи, которые, по моему разумению были мне совсем не товарищи. Дежавю прямо какое-то.

– Ребятюшки, вам, случайно, не Наталья ли Ивановна нужна?

Парни зависли, видимо, ожидая от меня как минимум сопротивления или криков, а никак не счастливой улыбки на лице.

– Она самая, – осторожно ответил один.

– Какое совпадение! Эта гражданка сегодня пользуется спросом. И фотка у вас, наверное, имеется?

Парень протянул мне все тот же снимок отвратительного

качества. Где они его только добыли. Неужто у Наташки нет фоток поприличней?

– Короче, – я открыла дверь и попыталась вскарабкаться на заднее сиденье, – давайте сократим нашу беседу, в которой я буду убеждать вас в том, что гражданкой Носовой не являюсь, а вы меня в обратном, и поедем. Куда там на этот раз?

Мне было очень весело и легко. Такие милые ребята. Даже никто меня не хватает, как супостат Васенька. Все чинно, благородно. Что ж не прокатиться с хорошими людьми. Правда несколько удивило мелькавшее чуть в стороне злое лицо Саши, который проталкивался сквозь огромную компанию малолеток, спеша на помощь то ли мне, то ли моим новым знакомым, уже вернувшимся обратно в автомобиль и предварительно подтолкнувшим мой симпатичный, я надеюсь, зад для ускорения.

Всю дорогу, пока мы ехали до места назначения, парни стойчески терпели песни Аллегровой, тупой смех и неуклюже заигрывания. А меня прямо перло. В какой-то момент даже показалось, что самый нервный из них готов выкинуть пьяную идиотку из машины на полном ходу, чтоб наверняка избавиться себя от этих пыток.

Наконец, впереди замаячило небольшое здание с колоннами и крылатыми ангелочками, державшими портик входа.

– Выходи, – бросил тот, что всю дорогу порывался прервать моё сольное выступление.

Я послушно раскорячилась на высокой ступеньке машины, пытаюсь прыгнуть, не переломав ноги. Нервный громко матернулся и снял моё тело, зависшее в процессе спуска.

Выскочивший банщик, а приехали мы, оказывается в сауну, активно жестикулировал, сопровождая свои движения внушительной речью о том, как нас тут уже заждались.

Подобное место упорно ассоциировалось у меня с продажной любовью, поэтому я звездой стала в дверях, заявив, что передумала и вовсе никуда не собираюсь идти. В этот момент терпение нервного закончилось и он, подхватил меня под белы ручки, одним рывком закинул «осточертевшую пьяную дуру» (цитата) внутрь помещения, где нас на самом деле встретили двое мужчин, восседающих в обнимку с кальяном за ломящимся от жратвы столом.

– О, вот и ужин.

Я с превеликой радостью плюхнулась около красномордого толстяка, взирающего на меня с испугом.

– Это – она? – спросил бедолага моих спутников, – Точно?

– Ага. Сама к нам навстречу попалась.

Парни быстро ретировались, с облегчением передав меня с рук на руки.

– Ты кушай, красавица. Угощайся.

Я улыбнулась второму мужчине с каким-то невзрачным лицом. Удивительный милашка. Красавицей меня назвал.

Пока я поглощала шашлык, источающий умопомрачительный аромат, и пыталась отнять у красномордого бутыл-

ку водки, чтоб дерябнуть, так сказать, за знакомство, второй товарищ объяснил таки мне причину нашей встречи.

– Ты, милая, вроде как денег должна. Много. Но мы тут посоветовали и решили дать тебе прекрасный шанс выйти из положения.

Я активно жевала мясо, особо не переживая по поводу его слов. Подумаешь. Где пять миллионов, там уже никакие долги не страшны.

– Так вот, – продолжил невзрачный, – есть в этом городе некто Филимонов Фома Ильич. Тебе он должен быть известен, как любому местному жителю. А у данного индивида – сынок, которого он бережет как зеницу ока. Ситуация так сложилась, что у Филимонова возникло недопонимание с одним очень хорошим человеком. Нужно дядю наказать, проучить, одним словом.

– Ну, так учите, я-то здесь каким боком? – высказалась я, по поводу не очень понятной беседы, на всякий случай, решив умолчать недавний факт моего личного знакомства с упомянутым Фомой Ильичом, а то, что разговор шёл именно о нем, я, с моим счастьем, ни на секунду не сомневалась.

– Видишь ли, милая, вокруг наследника столько охраны, будто он и не человек вовсе, а яйцо Фаберже. Никак не подобраться. А вот красивая девушка вполне могла бы.

Так вот к чему этот елей в мои уши. Нашли мне тоже роковую соблазнительницу мажоров.

– Я, дяденька, сексом занимаюсь только по велению души.

– А кто говорит про секс? Ты его убьёшь.

Я подавилась едой и минут пять кашляла, пытаюсь отдышаться и одновременно переварить услышанное.

– В смысле убью? Насмерть?

Красномордый глупо захихикал.

– Заткнись, боров! – рявкнула я на придурка, повергнув его в шок.

– Ты совсем, девка, охренела. Ты как со мной разговариваешь?!

– Успокойся, Петруша, – Невзрачный похлопал товарища по плечу, – Девочка просто разволновалась. Ну, так вот, милая. Завтра вечером этот молодой человек отправится на день рождения своего друга в сопровождении стандартной охраны. Это – закрытый клуб. Карточку клиента я тебе достану. Ты появишься там, максимально постарайся произвести на него впечатление и потащишь в комнату, под предлогом бурной страсти, а, когда вы останетесь наедине, кончишь пацана. Ясно?

Хмель покидал мою голову в ускоренном темпе. Это что же получается? Сначала Фома с его баблом. Теперь эти двое, предлагающие ради списания наташкиного долга, вот ведь жадная сука, убить сына того самого Фомы.

Встряла ты, Лизонька, по самые помидоры.

– Вариант с моим отказом предусматривается?

Вышло очень жалобно, аж у самой слеза навернулась. Невзрачный со змеиной улыбкой отрицательно покачал го-

ловой, видимо прекрасно зная, паскуда, что денег у Наташи, тьфу ты, блин, у меня нет.

– Вопрос, милая, предельно прост. Либо ты, либо тебя. Сечешь?

Я встала и, вытерев руки о край простыни красномордого, поклонилась глубоким русским поклоном.

– Спасибо, люди добрые, за хлеб, да соль. Пойду, пока при памяти, домой. Условия ваши поняла, всей душой осознала. Жду дальнейших указаний. Пароли и явки не сдам, даже если враги будут пытаться.

Уходя, я услышала фразу красномордого, брошенную мне вслед.

– Сыч, ты уверен? Деваха с великой дурью.

– Поверь мне, Петруша, дурь её имеет исключительно напускной характер. Я таких повидал более чем. Хитрая девка. Факт. Такой палец покажешь, она тебе всю руку отхреначит. Исключительно нам подходит.

Глазастый, гад. Я вышла на улицу, предварительно поинтересовавшись у банщика, куда вообще двигать, чтоб добраться до Ленинского проспекта. Оказалось, через дворы вовсе даже недалеко.

Стоило мне появиться около полюбившегося уже сердцу дома, из машины выскочил Саша.

– Ты где была, идиотка? Что от тебя хотели парни Борова? Ну, надо же, угадала.

– Ничего. Обознались они. Прокатили немного, а потом

извинились.

Красавец с подозрением уставился на моё лицо, выискивая признаки наглой лжи.

– Хорош, мой прекрасный принц, пойдём спать. Устала так, что с ног валюсь. Утро вечера мудренее.

– В гости зовёшь? – Усмехнулся Саша. – Не боишься?

– Чего? Если насильничать будешь, так имей в виду, я исключительно за. На маньяка ты не похож, да и указ тебе даден свыше, сторожить и беречь. Так что не плети.

Парень усмехнулся, и мы, наконец, двинулись в подъезд.

Однако, стоило нам оказаться в квартире, а Сашеньке снять футболку, ибо жара стояла ощутимая, моё девичье сердце заняло от близости этого сильного и весьма привлекательного самца.

– Мне с тобой ложиться? – подмигнул парень, – На случай, вдруг страшные сны начнутся.

– Мой страшный сон имеет вид твоего начальника и в данный момент достаточно далеко от нас.

– Я не пойму, это согласие или отказ?

Сашенька явно дурачился, но я прекрасно видела, насколько жёстким и холодным остаётся взгляд его чёрных глаз.

Нет уж, мой сексуальный тигр, я как-то не готова на данном этапе своей жизни связаться с мужчиной, который однозначно разобьёт моё сердце. Да и притворяешься легкомысленным бабником ты слишком хорошо. Подозрительно хо-

рошо. А это говорит только об одном. Во всей истории с баблом Фомы Ильича имеется у нашего красавца свой интерес.

– Прости, мой принц, боюсь, не выдержит нежное раненое сердце провинциальной простушки такого счастья. А тебе потом перед руководством отчитываться. Так что ты спишь на диване в кухне, а я, как слабая половина человечества, в мягонькой кровати.

На том и порешили. Завалившись в постель, максимально постаралась освободить свою голову от тяжких дум. Правильно сказал невзрачный. Или – я, или – меня.

Глава V

Фома Ильич считал себя человеком умным и, пожалуй, где-то даже хитрым. Спустя много лет, он по-прежнему оставался «правильным, порядочным пацаном». Пусть времена изменились, но жить нужно «по понятиям». Иначе что ж это выйдет? Бардак и nepотребство. Поэтому держал гражданин Ильин весь свой рабочий коллектив, а это без малого почти две сотни душ, в чёрном теле. Накосячил – получай ответочку. Вот и сейчас, глядя на стоявшего перед ним Мотю, который утирал кровь с разбитого лица, Фома Ильич твёрдо был уверен в своей правоте.

Оказывается, главного бухгалтера, ведущего счёт его скромным накоплениям, нашли в городском парке укутанным чёрным полиэтиленовым мешком в состоянии далёком от благополучного. Задушили старого еврея Абермана, предварительно сломав пальцы на руках. По крайней мере теперь ситуация с пропавшими пятью миллионами баксов несколько прояснялась с одной стороны, но значительно запуталась с другой.

Сначала, узнав о краже, Фома Ильич, грешным делом решил, что это дело рук Lucky. Объявился данный индивид в их преступном, прости Господи, мире недавно, но уже стал фигурой знаковой. Поговаривали, что этот крайне нехороший тип способен украсть что угодно, где угодно и у кого

угодно. Выглядеть лохом Фоме крайне не хотелось. Буквально за несколько дней до пропажи прошёл слух, будто отправился гаденыш на большую гастроль и что путь его лежал в том числе через родной город Ильина. Миллионы скомуниздили так чисто и по-современному красиво, что Фома несколько минут даже не верил в сей факт. Деньги лежали на одном из счетов, доступ к которому был только у самого Ильина и его бухгалтера Льва Абрамыча. Еврей не дурак, и подставиться так не мог. Слишком многое из связывало. А связь хорошенько была замешана на крови, количество которой грозило бы Аберману либо пожизненным сроком, реши Ильин ссучиться и настучать ментам, либо огромным количеством вопросов у людей, с которыми в здравом уме ни один человек не решит разругаться. Счёт, будто вскрыли, но очень, очень аккуратно, без малейших следов. Учитывая популярность Фомы Ильича среди ему подобных, совершить такой наглый поступок мог либо дурак, либо крайний авантюрист, коим и слыл этот Lucky, любивший, что говорится, подергать тигра за усы.

Потом, однако, выяснилось, что еврей на старости лет нашёл себе зазнобу, лишившую его голову рассудка. Некто Носова Наталья, девица крайне ушлая и до денег, что показательно, жадная. Версия с гастролером канула в лета, оставив лишь тот вариант, что Аберман таки тронулся умом на почве внезапной любви. К тому же последний, как сквозь воду провалился. Но свидетели утверждали, что видели бухгалте-

ра в ночь пропажи денег в ресторане со своей зазнобой, которая якобы устроила ему скандал, требуя подарков и сытой жизни. По крайней мере, так рассказывала парочка человек, на тот момент оказавшихся поблизости.

И нате вам, пожалуйста. Буквально через несколько часов деньги были переведены в офшоры, а следы их терялись ровно на первом этапе расследования.

Фома Ильич лютовал по полной. Совсем охренели, сволоочи. Грабят старика среди бела дня. Все же нажито непосильным трудом.

Вот только теперь встал новый вопрос. Если кражу провернула бабенка Абермана, то у неё, как не крути, должен был быть подельник. Не сама же она пыталась еврея. А там, конечно, все может быть. Бабы нынче окончательно умом тронулись.

Тут ещё один занятный факт всплыл. Носова работала официанткой в ресторане, который негласно принадлежал мэру. Вот это косвенное присутствие в истории бывшего дружка, напрягало Фому больше всего. Что-то подсказывало ему, что кидок шёл со стороны Охритько, а казачок, то бишь, девка, засланный. Благо бабу эту успели выцепить и теперь она сидела под присмотром очень хорошего человека, описанного старым другом для всякой посильной помощи. Сашку Фома сразу раскусил. Волчара в овечьей шкуре. Глазки красивые строит, бабам лыбится, а в глазах стужа студеная.

Такой ему сейчас и был нужен. Свой народец вконец из-

мельчал. Положиться не на кого. А Сашка, тот сердце вырвет и съест, не поморщившись.

Вот сейчас, например, приходилось собственноручно наказывать Мотю, который просрал момент с всплывшим телом Абермана. О находке сообщили купленные менты, а должен был Мотя, отвечающий за все вот такие щепетильные моменты. Еврей пропал, а эта толпа идиотов несколько дней твердил, что сбежал старый Аберман на тёплые берега далёких стран. Бухгалтер, конечно, знатно искупался, только не в объятиях мулаток, а в полиэтиленовом пакете.

– Фома Ильич, к Вам тут гость.

В комнату заглянул Иван, выполнявший функцию адъютанта его превосходительства.

– Кто такой?

– Привет, Крестный отец местной шпаны.

Ильин аж привстал с перепугу, лихорадочно соображая, что ему делать, прыгать в окно или сразу черкануть по горлу столовым ножом, лежавшим рядом с прерванным завтраком состоявшим из яичницы и зажаренного бекона.

Гость ему был знаком. Даже, пожалуй, слишком. Последний раз они виделись лет пять назад, когда Фома Ильич сидел привязанный к стулу, а Сыч демонстрировал ему возможности включённого паяльник. Благо, хоть до крайностей не дошло и во всякие непотребные дырки ничего не засунулось.

– Да ты сядь. Успокойся. Я нынче исключительно с визи-

том вежливости.

Фома махнул рукой Ваньке, чтоб тот принёс ещё столовый прибор, коньяку и жратвы побольше.

– Какими судьбами к нам?

Голос у Ильина даже не дрожал. Почти. Страх выдавали только мелко трясущиеся руки.

– Представь, Фома Ильич, подумываю на покой уходить, а мне перед пенсией ваш гнилой городишко подсунули. Езжай, говорят Сыч, помоги господину Охритько. Вот и пришлось снова сюда наведаться.

Фома почувствовал, как по спине бегут огромные мураши. Ну, Петруша, ну, сученыш, опять какое-то говно мутит.

– А что ж такого у моего дружка бывшего случилось, что аж твоя помощь потребовалась?

В этот момент в комнате обозначился Ванька, несущий в руках бутылочку французского коньяка из личных запасов шефа, нарезку копченого и вяленого мяса, грибочки в маринаде, да лимончик, порезанный тонкими благородным ломтиками. Гость замолчал, выжидая, когда их снова оставят с хозяином тет-а-тет.

– Ты мне вот что скажи, Фома Ильич, – продолжил беседу Сыч, едва за Ванькой захлопнулась дверь, – что вы тогда, много лет назад с Петрушей не поделили? Спрашиваю не для праздного интереса, а токмо просветления ситуации ради.

Фому страсть как раздражала эта нелепая манера киллера вести себя, словно деревенский дед-дурачок. Молва утвер-

ждала, что за спиной у Сыча два высших образования, работа в разведке, и несколько горячих точек, свернувших его путь в сторону прибыльного бизнеса. Что устраивать-то этот театр одного актёра?

Однако приходилось терпеть молча. Ну его на хрен, шизика отмороженного.

– Помнишь, лет десять назад случилось у нас одно громкое убийство. Целую семью сожгли. Ты ещё тогда впервые к нам наведалься.

Сыч молча кивнул головой. Как же, забудешь такое. Громкое дело было. Бизнесмен один изрядно проигрался на ставках, а долг не отдал. В то время контролировали игорный бизнес, включая и казино, и автоматы, и букмекерские конторы как раз близкие кореша, готовые ради бабла на все, Фома и Боров, уже поднявшиеся от простых шестерок до уровня уважаемых людей. По-хорошему барыга решить вопрос не захотел, ссылаясь на отсутствие денег, а прощать такое нельзя, иначе все в конце нух потеряют. Пришлось устроить показательно выступление. Начавшийся неожиданно пожар уничтожил дом дотла. Правда, криминалист, участвующий в расследовании, утверждал, будто хозяина вместе с женой сильно пытали. Только кто ж обратит внимание на эти слова, когда дело признано несчастным случаем и закрыто. Больше всего горожане жалели детей погибшего барыги. Маленький пятимесячный сын сгорел вместе с родителями, а вторую дочку, одиннадцати лет отроду, которая на момент про-

исшествия отдыхала в летнем лагере, на следующий день нашли в лесу искромсанной, будто лютый зверь постарался.

Все, кому нужно, сделали выводы и больше не кочевряжились. Урок удался. Десять лет прошло, но многие ту историю крепко запомнили.

– Так вот, у барыги были бабки. Большие. Драгоценности огромной стоимости. Зажал, сука на отдачу долга. Мы их с Боровом припрятали на чёрный день. Нельзя было светить все это богатство до поры до времени, а спустя пять лет захорон вдруг опустел, при том, что Петруша начал свою партийно-политическую деятельность. Я было попытался разобраться с дружкой, но чем все закончилось, ты, Сыч, знаешь лучше, чем кто-либо.

– Ясно. Ну, тогда смотри, Фома, какой расклад. Господин Охрителько обратился с просьбой убить твоего сына. Видимо, не все разногласия между вами улажены.

Фома Ильич почувствовал, как сердце замерло, перестав на долю секунды биться, а потом понеслось вскачь, словно сумасшедшее. Сына? Его кровиночку? Его гордость? Парень заканчивал пятый курс университета. В Москве уже было готово тёплое местечко для его карьеры. Наисветлейшая голова. Ну, а то, что пацан немного избалован, так это ерунда. Ох, не зря Фома ему лучших для охраны нанял. Как чуял. Во только Сыча никто не остановит. Одно не понятно, зачем это сейчас открылось?

– Всё просто, Фома Ильич, меня хозяева отписали помочь

Петруше в его политических и личных дрызгах, а он, хитро-жопый, деталей не уточнял. Соответственно, никто не давал указаний вредить тебе. За сына-то разговор не вёлся. Вот и подумалось мне, старику, что, если в преддверии будущей пенсии, предложишь ты мне более интересную цену?

Ильин облегчённо выдохнул. Торгуется, значит есть шанс уберечь дитя от верной смерти.

– Сколько скажешь. Любую Петькину цену перебыю. Только мне теперь этого будет мало. Хочу за все блядине отыграться. Убей его дочь. Оплачу по царский.

Сыч взял двумя пальцами кусок вяленого мяса с тарелки и принялся жевать, переваривая ситуацию.

– Хорошо, Фома Ильич. Сговорились. Только смотри, я на пенсию спокойно хочу уйти, потому сделаем не совсем обычно. Девку Борова надо грохнуть так, чтоб о моем участии никто не догадался. Это принесёт лишнюю головную боль мне и конкретные проблемы тебе. Я-то в любом случае все порешаю, а вот вам тут тяжко придётся. Устраним проблему чужими руками, но под моим контролем. Нет ли у тебя должника? Чтоб ситуация была, хоть в петлю лезь.

Фома Ильич крепко задумался. Должника... Оно, конечно есть такое, но ведь... Баба...

– Не знаю, Сыч, подойдёт ли. Девка мне одна пять мультот торчит, бакинских, естественно.

– Воооот, – протянул довольный гость. – Девка, это очень хорошо. Даже лучше, чем я рассчитывал. Кто такая?

– Да спуталась, сучка, с моим бухгалтером, окрутила его, а потом ушатила с чьей-то помощью, предварительно забрав бабосики. Кстати, ты уж прости за вопрос, но если тебя Петруша вызвал, не имеет ли это отношения к моим деньгам?

Сыч с усмешкой глянул на Фому Ильича.

– Зачем мне чужие деньги, мил человек, своих хоть жопой жри. А вот за Борова отвечать не могу. Думаешь, он подвезан?

– Странно как-то все. Баба у него в ресторане работает. Одна не могла она Абермана нагреть, а потом пришить. Кто-то ещё во всем этом крутится. А вот кто, пока не врублюсь.

– Тогда, конечно, тем более понимаю твой праведный гнев. Ну, что ж, расслабься. За все отыграешься сразу. Девке, что в нашем деле примет участие пока ничего особо не предъявляй. Где она, кстати?

– Сидит дома под присмотром.

– Хорошо. Значит, смотри, сегодня вечером дочка мэра приглашена в тот же загородный клуб, где твой сынок отмечает именины. Позвал её очередной жених на романтическое свидание. Лошадки, берёзки, порево по любви. Это очень хорошо. Сам там буду и за всем присмотрю, особенно, чтоб твоя кровиночка не пострадала. Исполнительницу нашу доставь сюда. Я светиться не стану, сам ей указания дашь. Детали тебе сейчас все разложу.

Фома Ильич слушал Сыча с глубоким вниманием, мысленно уже представляя, как разорвётся на мелкие части жир-

ное Петрушино сердце, когда он узнает о смерти единственного ребёнка. А все почему? Потому что жить надо «по понятиям».

Глава VI

Я проснулась от того, что горячие мужские руки весьма возбуждающе наглаживали мою задницу. Процесс этот был чрезвычайно занимательный, но немного удивительный, потому что точно помню, спать ложилась в гордом одиночестве.

Открыв глаза, уткнулась в чёрный насмешливый взгляд.

– Вот ведь какой интересный факт. Красивая девчонка делает все, чтоб выглядеть серой мышкой. Не подскажешь, для чего?

Сашенька, лёжа на боку и подперев голову одной рукой, второй изучал мою пятую точку на предмет её упругости.

– Если это – попытка изнасилования, то она значительно отличается от того, что пишут в криминальных хрониках.

– Любишь жёсткие рассказы, милая?

Мужская ладонь поднялась немного выше, скользнула по талии, а затем аккуратно переместилась на мою грудь, радостно встретившую такое вторжение напрягшимися сосками. Дыхание сбивалось, а влажность организма активно повышалась во всех пригодных для этого местах.

– Видишь ли, мой сексуальный тигр, твои действия, конечно, крайне приятны, но сердце девичье давно и крепко занято другим светлым образом. Так что можешь, не подкапывает свои яички. Отдаюсь я знойным мачо только по ве-

лению души, а к тебе она, вот ведь странно, почему-то не тянется.

– Ну, надо же, – удивился Сашенька, продолжая ласкать соски, – кому же так подфартило?

– Первая любовь. Это тебе не шутки.

Я откатилась в сторону, не слушая громкий возмущенный голос своего женского естества, и, одернув футболку, в которой спала, поднялась с кровати.

– Первая любовь, говоришь? Ты, наверное, была отличницей, посещающей уроки скрипки, а он местным хулиганом с широкой душой.

Саша лёг на спину, заложив руки за голову и теперь с очевидным сожалением наблюдал, как моя задница прячется в домашних штанах.

– Не угадал. Я была избалованной девчонкой, а он примерным сыном достойных родителей. Учитывая, что ему на тот момент исполнилось аж целых пятнадцать а я ещё играла в куклы, моё чувство было обречённо остаться без ответа.

– Фу, ты. А я уж, было, правда, напугался, что без вариантов. Получается, шанс у меня все же есть.

– Нет.

Закрыв этот разговор, я отправилась в кухню, чтоб не смущать свой бунтующий организм видом его в меру накаченного тела, которое в данный конкретный момент было прикрыт лишь тёмными боксерами одной весьма известной фирмы.

Поставила чайник, сделала бутерброд с маслом, найден-

ном в холодильнике, и, усевшись за стол, задумчиво принялась жевать эту нехитрую снедь.

Что мы имеем? Ничего хорошего, если говорить культурно, и полную жопу, если забить на интеллигентное воспитание.

Саша появился следом, спустя какое-то время, слава богу, одетый и поползновений к частям моего тела больше не совершал.

– О чем задумалась, Наташенька?

– Во-первых, прекрати называть меня чужим именем. Во-вторых, хочу прокатиться кое-куда.

– Продолжаешь утверждать, что являешься другим человеком? Ладно. Бог с тобой. Интересует, куда конкретно ты, моя прелесть, собралась?

– Случайно не знаешь, где эта стервь работает?

– Случайно знаю.

Саша забрал мой бутерброд и быстро засунул его себе в рот. Ох и мужики нынче пошли. Последнее отнимут.

– Эта, как ты её называешь, стервь, разносила жратву в ресторане «Тройка».

– Очень хорошо, – я откинулась на спинку стула, составляя в голове свой маршрут.

Красавец благополучно экспроприировал мою чашку и теперь, жмурясь от удовольствия, аки кот в начале марта, попивал крепкий сладкий чай.

Вскочив на ноги, я метнулась в ванную, быстро совершила

все утренние процедуры, переоделась в приличную футболку и лёгкие шорты, потому что жара на улице стояла знатная, схватила рюкзак, который всегда ношу вместо дамской сумочки, и встала в дверях кухни, ожидая, когда этот бес-соблазнитель, наконец, нажрется.

Увидев меня в полной экипировке, Саша подавился чаем. Так тебе и надо, гад.

– А куда это мы собрались?

– Я еду в ресторан «Тройка». Ты, судя по приказу начальства, вместе со мной.

– На хрена?

– Наташка совсем не выглядела авантюристкой и на звание Соньки Золотой ручки при всем желании претендовать не могла. Значит, был ещё кто-то, подтолкнувший её на скользкую дорожку воровства. Хочу поспрашивать коллег. Бабы они такие, шила в мешке не способны утаить. По любому, кто-нибудь что-нибудь слышал или видел.

– Ух, ты, – протянул гад, отряхивая руки и поднимаясь со стула, – будем изображать Шерлока Холмса и Доктора Ватсона? Это хорошо. Ролевые игры я весьма уважаю.

Пока мы спускались к машине, я выслушала огромное количество эпитетов и образных сравнений в свой адрес. Мисс Марпл, Эркюль Пуаро, даже Глеб Жеглов и Володя Шарпов.

Глумился Сашенька по полной, абсолютно не воспринимая серьёзно мой настрой разобраться в сложившейся ситу-

ации.

– Ты заткнешься, наконец?

– Ну, вот, я сравниваю тебя с величайшими сыщиками, а ты ведёшь себя, как дрянь неблагодарная. И за что только полюбил такую стерву? – пожалился красавец, заводя автомобиль, весьма, кстати, большой стоимости.

– А ты полюбил?

Я заметно оживилась, демонстрируя радость в глазах от возможного счастья.

– Был на пути к светлому и вечному, но твой мерзкий характер испоганил все мои душевные порывы на корню.

Я, насупившись, отвернулась к окну, изучая мелькавшие за стеклом улицы. Так себе, конечно, городишко. Скажем прямо. Дома старые, унылые. Улицы грязные. Люди хмурые.

– Что ж такое место у вас тоскливое? Мэр совсем мышей не ловит?

– Кто? Боров? Он считает, что все прекрасно.

Я воззрилась на Сашеньку, пребывая в состоянии лёгкого удивления. Боров-градоначальник? Серьёзно? Какие странные, однако, у него увлечения, заказывать убийства на досуге чумным девицам.

– Говорят, раньше мэр приличнее был. На самом деле для города старался. Потом пришла новая власть и его подставили по линии коррупции, а мужик, вроде как, кристально чист. Посадили, и он не выдержал позора. Сердце.

– Ты сам не местный, что ли?

– Не-а, – Саша лихо подрезал какого-то чувака, пытающегося совершить такой же маневр в нашу сторону.

Парень вообще уверено водит машину. Прямо будто профессиональный гонщик. Господи, сплошные таланты. Это просто какое-то мучительно испытание для моего нежного сердца – находиться рядом с таким потрясающим самцом.

– Я в этом городишке, можно сказать, проездом. Попросил один хороший человек подмогнуть другому хорошему человеку.

– Что-то все у тебя хорошие.

– Конечно, а как же иначе.

– Значит и я хорошая?

Саша скептически покосился в мою сторону.

– Нет, прелесть моя, ты из сучьей породы. Вы, бабы, бываете хорошими только в одном случае, когда заняты своими прямыми обязанностями.

– Даже не хочу уточнять, какими.

Красавец весело хохотнул, подтверждаю мою догадку и резко затормозил перед входом в нужное нам заведение.

Рядом с тяжёлыми дубовыми дверьми маячил мужик, облаченный в форму швейцара, на которой сусальным золотом блестели гусарские эполеты.

– Господи, страсть-то, какая. А внутри что? Цыгане с медведями? Пошлость абсолютная.

Саша посмеялся над моей реакцией и подтолкнул к двери, услужливо открытой перед нами.

– Александр Васильевич, рады вас видеть, – мужик, кланяясь после каждого слова, всем своим видом показывал, насколько счастлив появлению моего спутника в их скромной обители, – Маша, господин Разумовский прибыл с дамой!

Последнюю фразу швейцар гаркнул куда-то в глубинные недра ресторана таким тоном, что, подозреваю, эта неведомая Маша кинулась немедленно расстилать красную дорожку и усыпать путь лепестками роз.

– Разумовский? Серьёзно? Прямо барская фамилия у тебя, мой сексуальный тигр.

– А то, – подмигнул Сашенька, – вот только не оценила ты поутру представившейся возможности познать дворянского тела, так что теперь плачь горячими слезами.

В зале ресторана нас уже ждали. Навстречу устремила милостивая блондинка. Верхние пуговицы блузки у неё были расстегнуты чуть ли не до пупа. Грудь вздымалась, щеки покраснелись, а губы приоткрылись и периодически облизывались язычком. Вот это девку прет от вида господина Разумовского... Надо расставить свои приоритеты и приглядеться к Александру свет Васильевичу. Вон оно как другие в его присутствии млеют. Может я, дура, на самом деле, не оценила счастья?

– Чем могу помочь? – скромно потупилась администратор, когда мы уселись за один из столиков.

– Машенька, милая, очень нужна информация.

Разумовский наклонился в сторону блондинки, а она всем

телом потянулась ему навстречу.

– Конечно. Спрашивайте.

И все это с придыханием, похожим больше на стоны.

– Скажи мне, тебе вот эта гражданка, – Сашенька как-то пренебрежительно ткнул пальцем в мою сторону, – никого не напоминает? Ты с ней, случайно, не знакома?

Девушка уставилась мне в лицо, изрядно этим нервируя.

– Но не она? – на всякий случай уточнил этот гад.

– Нет. Издалека я бы точно перепутала, а вот так, вблизи... Нет, конечно.

Я выразительно сделала брови домиком, намекая Саше, что не мешало бы извиниться за столь вопиющее недоверие.

– А вы могли бы подтвердить одному товарищу, что мы с гражданской Носовой лишь похожи, а никак не являемся одним и тем же человеком?

Девушка растерянно посмотрела на Разумовского.

– Эта глупая особа хочет, чтоб ты, Машенька, отправилась к Фоме и побеседовала с ним, – пояснил Саша.

– Вы простите, конечно, но этого я точно делать не буду. Мне спокойная жизнь пока ещё дорога. – Фыркнула блондинка, пожирая взглядом моего спутника.

– Тогда, солнышко, расскажи нам, не было ли у твоей Носовой какой-нибудь великой страсти в последнее время?

– Страсти... Нет. Был какой-то старый мужик. Она с ним ради денег встречалась, а потом прибежала в бешенстве. Этот мудак, говорит, завёл себе другую бабу. Причём вроде

как от новой пассии там крыша поехала окончательно. Роковая красotka, типа. Наташка все хотела их поймать на месте преступления. А потом явилась на смену с вещами в руках. Рыдала, что какую-то очень большую глупость сотворил. Заняла денег немного и все. Больше я её не видела.

Саша посмотрел на меня.

– Довольна?

– То есть с той ночи она больше нигде не появлялась, а у вас попросила займы?

Блондиночка послушно кивнула головой, даже не глянув в мою сторону. Её внимание полностью было сосредоточено на Разумовском, который цвел от такого обожания майской розой.

– Тогда у меня больше нет вопросов.

Я поднялась и направилась к выходу, а вот Александр оставался на месте, воркуя со своей поклонницей.

– Иди, сейчас приду.

Вот козёл, отмахнулся от меня, как от назойливой мухи.

Пыхтя праведным гневом, я вышла на улицу и уселась в машину.

Очень странное поведение для человека, свистнувшего пять миллионов, приходить в слезах на работу, чтоб занять денег. Что же ты, Наташенька, такого натворила? Вяпалась, где только можно. Боров ещё этот. Сегодня ночью придётся выполнять его требования насчёт сына Фомы. Невзрачный, конечно, подробно объяснил, что именно я должна де-

лать, но в успех предприятия верилось с трудом. Убить человека? Я не смогу. Или смогу? Своя жизнь всяко дороже чужой. Про Сашку пришлось им сказать. Правда, я обрисовала его назойливым поклонником, не дающим ни минуты уединения. Не говорить же, что соглядатая приставил их разлюбезный Фома. Мне пообещали добыть два пригласительных и велели, для пущей конспирации, взять Александра с собой. Во всей остальной схеме, разработанной невзрачным, для красавца даже нашлась небольшая роль, о которой он, естественно, не догадывался.

Время шло, а Разумовского не было видно даже на горизонте. Я вышла из машины и снова направилась в ресторан. Зал пуст. Очень мило. Открыла дверь, ведущую в подсобное помещение и мысленно выматерилась.

Саша стоял, опираясь о какой-то полуразвалившийся стол, намотав на руку длинные волосы блондинки, которая активно выражала радость от его присутствия путем орального удовлетворения этой скотины. Он поднял взгляд, увидел меня, застывшую в дверях, подмигнул задорно и кончил, прижимая голову поклонницы к паху. На долю секунды его звериная сущность, не контролируемая в приступе удовольствия, мелькнула, отразившись хищным выражением лица, от чего моя дикая натура, глубоко спрятанная под многослойной вывеской идиотки, взбрыкнула с громким протестом: «Хочу быть на ее месте!»

Твою ж мать...

Я спокойно развернулась и вышла. Какие, однако, бабы – дуры, а я – наипервейшая идиотка.

Разумовский появился через пять минут, видимо, не являясь сторонником долгих прощаний.

– Подглядывать нехорошо. А уж, если пришла, так надо было присоединиться, – бросил крайне довольный красавец.

– Прости, мой сексуальный тигр, но, боюсь, более привычна к обратному положению вещей. Чтоб не я, а мне. Сечешь?

– Злишься, – констатировал Сашенька, заводя свой дорожной автомобиль.

– Абсолютно нет. Мужик удовлетворен, а значит – покладист. Меня все очень устраивает.

Едва мы отъехали от ресторана, в его кармане зазвонил телефон. Пять минут разговора, и машина с характерным визгом шин, развернулась в обратную сторону.

– Фома зовет.

– Опять?! Денег нет. И вообще, он неделю обещал.

– Не плачь, Лизонька, теперь мы с тобой вместе, так что все будет хорошо.

Я с подозрением принялась изучать профиль Разумовского, гадая, с чего бы такие перемены. И имя он мое называет, и готов помогать, судя по всему.

– Да ладно, – Саша правильно истолковал внимание к своей персоне, – мы же разобрались, что ты на самом деле не Носова.

– Так почему бы тебе не сообщить об этом открытии сво-

ему начальнику?

– Потому что не исключено твое участие в этой истории. А по городу ты меня таскаешь для отвода глаз. Такое тоже очень даже может быть.

Задолбали, блин. Если бы я украла столько баблища, то уже жарилась бы где-нибудь в Доминиканской республике.

Однако, оказалось, что лимит сюрпризов этого дня только начался.

– Что мне надо сделать?

Я на всякий случай переспросила Фому Ильича, сидевшего на своем излюбленном месте в саду, опасаясь, что плохо расслышала или неправильно поняла.

– Вот, дура, – посетовал авторитет, – говорю, сегодня отправишься в местечко, типа закрытого клуба и убьешь дочку одного урода. За это прощу долг.

– Вы издеваетесь?

Ситуация в своей абсурдности заходила все дальше. Один «заказал» мне (мне! как будто я, гребаный киллер!) пацана, а второй – девчонку. Здесь поветрие безумия что ли?

– Значит так, Сашка поедет с тобой. Вот вам два приглашения. Оденетесь, нарядитесь, чтоб все по чести. Девка будет в клубе с женихом. Выждешь момент, когда она пойдет в эту вашу, дамскую комнату, отправишься следом и шамальнешь. Оружие даст, перед тем, как приедете на место, Сашок. После этого разворачиваетесь и уходите.

– Как Вы себе это представляете? Мне «шмалять» всех,

кто будет в это время в туалете?

– Я там был, – встрял Разумовский, – у них по задумке дизайнера кабинки сделаны самостоятельными. Там внутри пространство метров пять. А стены со звукоизоляцией. На тот случай делали, если кому-то из гостей захочется горячего секса в туалете. Прикинь, бывают у некоторых такие фантазии.

– Тебе надо, ты и прикидывай, – окрысилась я на помощничка, – вы совсем чокнулись? Я обычный простой человек, библиотечный работник, а вы меня отправляете стрелять в беззащитную девочку.

– Не ходи, – подозрительно быстро согласился Фома, – тогда кто-нибудь другой шмальнет. В тебя. Хороший расклад теперь? Устраивает?

– Ну... Ну, вы... блин... уроды!

Я наплевала на все эти церемонии и потопала к машине, громко и с выражением матерясь по дороге.

– А вот теперь, очень даже верю, что ты работаешь в библиотеке, – высказал свое никому не интересное мнение Разумовский, появившись следом за мной и усаживаясь за руль, – такие художественные обороты речи знаешь.

– Что, верный пес, получил указания?

Он резко развернулся к пассажирскому сидению, одной рукой ухватил меня за шею и прижал к подголовнику, перекрывая дыхание.

– Если еще раз назовешь псом, убью.

Его голос звучал совершенно спокойно и как-то даже буднично, но я очень хорошо осознала в этот момент – не врет.

– Молодец. Быстро соображаешь.

Разумовский убрал руку и завел машину, выезжая со двора Ильина.

– Ну, что, звезда моя, будем делать из тебя даму высшего света. В том клубе собирается исключительно местный бомонд.

– А из тебя никого не надо делать? – спросила я, потирая место, где остались следы его пальцев.

– Нет. Я хорош сам по себе, – хохотнул Сашенька.

Ну, ну, подумалось мне. Все вы тут хороши. Нашли, блин, козла, то есть козу отпущения. Хотите треша? будет вам треш.

Глава VII

Ванечка Ильин был, что говорить, парнем видным. Высокий, с широкими плечами, развитой от долгих тренировок мускулатурой и по интеллигентному красивым лицом. Даже удивительно, при таких-то генах. С отцом, имеющим вид колхозный и слегка придурковатый, Ваня вообще схожести не имел. И даже, в глубине души, последнего слегка стыдился. Это рождало много вопросов в частных разговорах горожан, только кто же в здравом уме подобное скажет вслух? Кроме того, Фома любил сына самозабвенно, считая его самым умным, самым талантливым и самым способным. Он баловал его с раннего детства настолько, насколько позволяли финансовые возможности семьи. Мать, молчаливая, забитая женщина, слова в данном вопросе не имела и была для Ильина-младшего чем-то вроде приведения. Вроде все о ней знают, но видеть не видят.

В общем, жизнь мажористого сынка местного авторитета складывалась просто сказочно, кроме одного маленького, в буквальном смысле, нюанса. Страдал Ванечка от того, что являлся обладателем крайне небольшого члена. И это изрядно портило его красивые сытные будни. Ваня мнил себя настоящим мачо, а с таким размером достоинства особо не по-выделываешься. Поэтому имел Ильин-младший склонность к насилию. Ему нравилось, когда тёлочки смотрели со стра-

хом, а не с лёгкой усмешкой в глазах. Нравилось причинять им боль, стегать кожаной плеткой по округлым ягодицам, пока какая-нибудь девка, давясь слезами и слюной, отсасывала ему на глазах у таких же дружков-подонков. Конечно, все они кочевряжились по началу, а потом, придя к выводу, что лучше изнасилованной, но живой, позволяли делать с собой все, что его барская душенька пожелает. А затейник Ванечка был ещё тот.

Только одна деваха отдавалась ему с огромным удовольствием. Вот и сейчас, на заднем сиденье своего джипа, Ваня «жарил» изо всех сил Машку Охритько, дочку мэра и врага родного отца. Эта мысль возбуждала его ещё больше. Они прямо, как Ромео с Джульеттой, с той лишь разницей, что подыхать ради этой толстой, но крайне горячей тёлки, Ильин вовсе не собирался.

Машка раскорячилась на чёрной коже автомобиля, вставив ему навстречу свой упитанный зад, в который Ванечка впивался сильными пальцами с такой жестокостью, что на коже оставались красновато-лиловые следы. Это погружение в толстое мясистое тело доставляло ему крайнее удовольствие. Здоровые, как две дыни, груди колыхались из стороны в сторону, и Ванечка периодически с садистским наслаждением выкручивал их большие соски.

Машке весь процесс безумно нравился. Она обожала, когда Ильин превращал её в рабыню, заставляя творить всякие интересные штуки, предварительно тщательно изученные по

фильмам с элементами БДСМ.

Короче, в отношениях у них наблюдалась полная идиллия.

– Скажи, кто твой хозяин? – вопрошал Ванечка, вставляя девахе по самую мошонку.

– Ты. Ты мой хозяин.

– Громче, сучка.

Машка застонала, испытывая оргазм, который способен был ей дарить только этот удивительный, по её меркам, парень.

Ванька матернулся, потому что сам, немного курнув травки, кончить никак не мог и вытащил член из вздрагивающей, словно дрожжевая опара, девки. Ну вот. Интерес пропал. Теперь она не будет столь активной, просто позволяя ему находиться внутри. А так совсем никакого азарта. Сука!

– Ванечка, когда мы расскажем всем о наших отношениях? – вдруг выдала Машка, натягивая трусы и заправляя грудь в вырез платья.

– Чокнулась что ли совсем. Они нас порешат, если узнают.

Под таинственным «они» Ильин имел в виду обоих родителей.

– Ну и что. – Уперлась деваха, – я хочу всегда быть с тобой, а не прятаться по тачкам на стоянках. Ты теперь пойдёшь бухать с дружками, телок других трахать, а я буду сидеть с очередным кандидатом в женихи, подсунутым папашей, и наблюдать все это.

– Не ссы, – Ванечка застегнул ширинку, поправил одежду и помог Машке выбраться из джипа, – Ты же знаешь, все они для меня ничего не значат. Я только тебя люблю.

– Правда? – расцвела от счастья толстуха.

– Конечно. Давай пошустрее. Я иду первым, ты через пять минут зайдёшь, чтоб нас никто не спалил. Ясно?

Ильин направился в сторону клуба, где его уже ждали трое ближайших друзей. Все эти большие вечеринки с огромным количеством халявщиков он не любил. Гораздо интереснее будет отпраздновать днюху с теми, кто вполне разделяет его интересы. Немного хлебнут, немного нюхнут, выберут девочку посимпатичнее, а потом трахнут её всеми. Может даже на видео весь процесс заснимут, чтоб наслаждаться при случае.

– Привет, Ваню! С днем рождения, брат!

Стоило Ильину переступить порог заведения, тут же нарисовали дружки. Обнялись, похлопали по плечу, все как положено.

– Что тут? Есть интересные варианты?

Ванечке не терпелось. Секс с Машкой это хорошо, но хотелось большего.

– О! – заметил он симпатичную девчонку, лет семнадцать, двигающуюся на танцполе с каким-то лохом. – Вот эту хочу. Сто пудово ещё целочка. Видишь, как жметя. Кто такая?

– Залетная. Выиграла, наверное, приглашение по акции. Только смотри, она с парнем.

– И что? – Не понял проблемы Ванечка. – Сломаем ему пару рёбер и отправим домой, чтоб не мешался.

В это время внимание его привлекла появившаяся в заведении парочка. Девка страсть как была хороша. Чуть старше, чем он привык, но, сука, красивая настолько, что член, не успевший ещё отойти от Машки, тут же заворочался в штанах, желая оказаться на свободе.

Незнакомка имела идеальную фигуру, обтянутую строгим вечерним платьем с глубоким вырезом, в котором отчётливо проглядывалась высокая упругая грудь. Ноги казались бесконечно длинными и буквально просились оказаться на Ванечкиных плечах. Длинные светлые волосы были уложены в замысловатую косу, открывая её идеальное лицо с большими серыми глазами и выразительными пухлыми губами, накрашенными яркой красной помадой. Ильин уже представлял, как этот красивый рот обхватив его подрагивающее от возбуждения достоинство. Даже слегка вздернутый носик не портил общего впечатления. Это тебе не обычная шлюшка из малолетних. Тут уровень экстра-класса. Такая женщина точно знает, как доставить удовольствие привередливому партнёру. О том же буквально кричал её рыскающий по залу взгляд, который вроде бы как выглядел скучающим, но Ванечка заметил в нем желание провести вечер как можно продуктивнее. Ильин снова посмотрел в сторону замеченной ранее девчонки. Нет, однозначно никакого сравнения. Глупенькая малолеточка даже не поняла, насколько близко се-

годня прошла от неё возможность насилия. Пусть пляшет со своим лохом. Ванечка хотел эту похожую на кинозвезду блондинку. Хотел так сильно, что внутри все сжималось от восторга и ожидания.

– Она.

Дружки проследили за его жестом, увидели красотку и немного подзависли.

– Хорош. – Очнулся первым Марат, с которым Ильин дружил с детства. – Она даже близко к нам не подойдёт. Да и тип с ней, посмотри какой. Только протяни руку к его цыпочке, вырвет кадык.

– Хочу её.

Ванечка упёрся насмерть. Эта блондинка была словно из далёких эротических снов юности.

В зале появилась Машка с каким-то хлыщем. Очередной жених, выбранный отчаявшимся папашей. Парочка заняла столик прямо рядом с так приглянувшейся Ильину телочкой. Ну и ладно. Это даже хорошо. Пусть посмотрит толстуха, каких баб он снимает, чтоб потише себя вела. А то удумала, сделать их отношения я достоянием общественности. Дура.

Ваня расположился за столом, который уже был заставлен едой и выпивкой, велел Марату, договориться с администратором об отдельном кабинете.

Блондинка откинулась на спинку стула и закинула ногу на ногу, отчего платье задралось ещё выше, позволив Ванечке увидеть край выглядывающих чулок. Вот это мечта! Вот это

женщина!

Спутник красотки напротив явно был не доволен тем, что на его девчонку пялятся практически все мужики. От него буквально фонило раздражением и злостью. Придурок, когда владеешь таким сокровищем, будь готов к тому, что его обязательно захочет иметь кто-то другой.

Бухло лилось рекой. Они даже успели метнуться в туалет, чтоб употребить по назначению немного волшебного порошка. Ванечку накрывало все сильнее. Блондинка маячила в его разгоряченном сознании, призывно маня рукой.

В какой-то момент, спутник красотки принялся ей что-то вычитывать, явно устраивая скандал. Из-за громкой музыки слов не было слышно, но его бешенство было настолько очевидно, что ситуация выглядела яснее ясного. Блондинка психанула и встала из-за стола, окинув зал взглядом. В этот момент её глаза встретились с Ванечкиными, горящими жадной обладания этим шикарным телом. Она взяла маленькую дамскую сумочку, закинула её на плечо и направилась к Ильину. Подошла, оперлась руками о край стола, отчего её грудь оказалась практически у него под носом.

– Привет, милый. Сегодня такой отвратительный вечер. Есть чем порадовать одинокую девушку?

– Одинокую? – Переспросил Марат, кивнув в сторону наблюдающего всю эту картину черноволосого спутника красотки.

– Забудь. Это законченный этап.

Ванечка, слегка пошатываясь, встал на ноги и обхватил блондинку за талию, прижимая к себе так, чтоб она почувствовала реакцию обрадовавшегося организма.

– Ого. Ты так счастлив нашему знакомству?

Блондинка закинула руки ему на шею.

Однако чернявый, решив, видимо, что быть законченным этапом ему не к лицу, оттолкнул стол, зазвеневший упавшей посудой, и направился следом за своей женщиной.

– Слышь, гандон, руки от неё убрал.

Будь Ванечка потрезвее, да посвежее, понял бы исходящую от мужика опасность, но в данный конкретный момент он уже мысленно раздевал красотку и раскладывал её на большой кровати, стоявшей в отдельном кабинете.

– Пошёл ты.

Брюнет, усмехнувшись, будто именно такой реакции и ждал, аккуратно вытащил блондинку из рук Ильина и со всей дури двинул ему в челюсть. Дальше началось чистое светопредставление. Дружки кинулись на брюнета, который с удивительным проворством принялся раскидывать их в стороны. Блондинка ни с того, ни с сего, проникнувшись видимо старой любовью, вдруг начала молотить, пытающегося влезть в драку, Ванечку сумочкой по голове.

Увидев такое непотребство, Машка с криком «Да ты охренела, сучка крашенная, моего мужика бить», кинулась на красотку, вцепившись ей в волосы. Машкин спутник пытался делать вид, что вообще просто мимо проходил, но отхва-

тив от одного из дружков, отлетевших в его сторону смачный удар под дых, оказался в центре драки против своей воли. Естественно в клубе нашлось много тех, кто, радостно завопив «наших бьют», приняли активное участие в коллективном дурдоме. Совершенно, правда было не понятно уже, где «наши» и кто кого конкретно бьёт, потому что в творившемся бедламе, как говорил классик, «смешались люди, кони».

В какой-то момент Ванечка, почувствовал, как ему под ребро, чётко в районе сердца, вошел острый стилет, но совершенно не понял происходящего. Даже, упав на пол, он пытался сообразить, почему так немеют руки и ноги, а в глазах становится темно. Потом Ванечка уже ничего не слышал и не видел, в том числе тихого хлопка выстрела, который в этой суматохе, криках и куче-малой не заметил в принципе вообще никто. Пока рядом с Ванечкой не рухнула, истекшая кровью, толстая Машка Охритько. Только тогда кто-то из присутствующих сообразил, наконец, что произошло самое настоящее убийство. Сначала раздался женский крик, потом началась паника. Но все это уже совершенно не волновало ни Ильина-младшего, ни лежащую рядом единственную женщину, любившую его вопреки всему. Всё случилось, как он и думал, с издевкой называя себя и Машку Ромео с Джульеттой. Их сердца перестали биться практически одновременно.

Глава VIII

– Уходим.

Сашенька за шиворот выдернул меня из копошащейся кучи людей. Во все стороны летели осколки битой посуды, клоки волос и чьи-то зубы. Вот это веселье. Вот это я понимаю.

Протяжный крик «убилиииии...» донесся, когда мы уже заводили стоявший рядом с клубом автомобиль.

Разумовский гнал машину злой, как черт. Я упорно смотрела, не отрываясь, в окно и всячески демонстрировала свою непричастность к данному факту.

Наше с ним противостояние началось еще несколько часов назад, когда мы, покинув Фому, отправились в магазин, дабы приобрести вечернее платье, а потом в салон, чтобы сотворить подходящее лицо. От последнего пункта я отнекивалась, как могла. Не для того столько сил было потрачено в попытке стать серенькой и незаметной, чтоб теперь весь этот облик испортили, вернув красоту, которой природа-матушка на кой-то ляд наградила меня от души. Четко придерживаясь старого правила «не родись красивой, а родись счастливой», я уже много лет доводила свою внешность до идеального состояния если не дурнушки, то где-то около того.

И вот тебе нате! Сначала мастер салона привела в божеский вид волосы, отчего они обрели блеск и легли ровным приятным глазу каскадом. Еле убедила ее сделать хотя бы

французскую косу, чтоб спрятать слишком заметную разницу между «до» и «после». Затем эта дотошная девица прилепилась с вопросом, зачем я темные ресницы и брови высветляю краской, если адекватные женщины делают наоборот. Короче, вытрепала мне все нервы. Но, так как указания сделать меня приятной глазу, были ею получены лично от господина Разумовского, которого торжественно препроводили в зал ожидания и на протяжении всего времени обхаживали со всех сторон, упорная мастерица добилась-таки того результата, что повернувшись к зеркалу, я увидела практически свое настоящее лицо, за исключением одной маленькой детали. Черные от рождения волосы все же оставались пепельными, только дамочка добавила к цвету платину, убрав их мышиную серость. Ну, хоть на том спасибо. Как вспомню, сколько пришлось отвалить, чтоб из жгучей брюнетки превратиться в русоволосую, дурно становится.

Мое «твою мать» все присутствующие приняли за выражение восторга, а на самом деле это был крик души. Разумовского, притащившего меня в эту обитель зла, я ненавидела всем сердцем. Нет, ну надо же так изговнять замечательный образ, столько лет прикрывавший меня от излишнего внимания.

Я облачилась в вечернее платье, натянула чулки, туфли с высоченным каблуком (обувь мне принесли из соседнего магазина по выбору Сашеньки) и плюнув на все, явилась пред светлые очи своего спутника. Несколько минут стояла гро-

боявая тишина. Разумовский изучал меня взглядом, от которого сердце заходило в бешеном ритме. Его глаза буквально пожирала каждый сантиметр моего не очень прикрытого платьем тела. С одной стороны это необыкновенно будоражило, а с другой стороны грозило некоторым количеством проблем. На красных губах он задержался дольше всего.

– Если ты сейчас думаешь о том, о чем я подозреваю, то расслабься. Эта мечта не осуществиться.

Разумовский, усмехнувшись, поднялся с заботливо предоставленного кресла, подошел ко мне вплотную, и, наклонившись к уху, прошептал, обдавая мочку горячим дыханием.

– Милая моя девочка, если бы не дело, ради которого нам через тридцать минут нужно быть уже в клубе, я обязательно, всенепременно потащил бы тебя в одну чудесную квартиру с огромной кроватью, большим джакузи и парочкой бутылок коллекционного вина, чтоб иметь всю ночь без остановки. А там может и до следующего вечера. Потому что ты нереально, просто фантастически сексуальна. Даже не представляешь, какое количество различных откровенных фантазий сейчас крутятся в моей голове.

– Да пошел ты.

Я, вздернув подбородок, промаршировала к выходу, демонстрируя образ гордой и неприступной девушки, а вот внутри мое женское естество прыгало с большими помпонами чирлидерш, исполняя танец победителя. Никогда не ду-

мала, что тяга к «плохим» мальчикам это про меня, но Разумовского хотелось так сильно, что миллионы, Наташкины долги и предстоящие убийства маячили где-то очень далеко. На первом плане разворачивалось цунами моего много лет тщательно вытаптываемого либида.

Возможно, дело было в животном магнетизме этого гада. Есть такие мужчины, глядя на которых очень ясно понимаешь, вот сейчас он скажет, и я со счастливой улыбкой на лице повторю подвиг Анны Карениной, которая, по моему разумению, являлась примером бабской глупости и бестолковости. И что? Теперь сама пускаю слюни на своего собственного Вронского, который того и гляди запортит к чертям мне всю жизнь.

Едва мы тронулись в сторону клуба, Сашенька вдруг стал демонстрировать признаки дурного расположения духа.

– Давай купим тебе другое платье. И еще надо заскочить куда-нибудь. Умоешься.

Я воззрилась на него, еле сдержавшись от громких обзывательств.

– С ума сошел? Ради чего были эти трехчасовые мучения?

– Я просил, чтоб тебя сделали немного симпатичнее.

– Ну?

Я вообще не догоняла причины этой блажи, стукнувшей ему в голову.

– Сим-па-тич-нее, – повторил он по слогам, – а не сексуальной мечтой каждого нормального и не только мужика. Ты

что, не пойму, на самом деле там подгульнуть собралась?

И вот так всю дорогу я слушала подобный бред, искренне недоумевая, с какого такого просветления он вдруг устраивает мне сцены? Вообще-то я, например, застав его член в постороннем блондинистом ротике, молча вышла, не мешая процессу. Потому что весьма странно устраивать сцену ревности человеку, который не мой и моим не будет. Как бы сильно мне этого не хотелось. Вопрос. Он тогда что исполняет? В итоге выбесил Разумовский меня настолько, что я исключительно ради его бешенства, усевшись в зале, принялась изображать из себя что-то среднее между искательницей приключений и шлюхой обыкновенной.

Сынка Фомы заметила сразу. Бедолага, только что слюной не давился, кидая в мою сторону красноречивые взгляды. Симпатичный. А глаза холодные, змеиные. В силу хорошего образования мне в таких ситуациях всегда вспоминался знаменитый монолог Воланда.

«Эти глаза не лгут. Ведь сколько же раз я говорил вам, что основная ваша ошибка заключается в том, что вы недооцениваете значения человеческих глаз. Поймите, что язык может скрыть истину, а глаза – никогда!» – сказал как-то этот умнейший литературный дьявол. И я была с ним полностью согласна. Так вот, у Ильина-младшего был взгляд садиста и маньяка. От этой мысли стало немного легче.

Я строила глазки. Разумовский бесился. В итоге все дошло до самых, что ни на есть настоящих разборок.

– Прекрати светить чулками на весь зал. – Прошипел гад сквозь стиснутые зубы.

– Да отвали ты, наконец. Пистолет, когда дашь? Смотри, вон дочка мэра. Все, как Фома и говорил.

Я старательно отвлекала внимание Саши в сторону дочурки Борова, чтоб чернявый не понял, о наличии в этом заведении у меня еще одного интереса. Заигрывания с Ильиным он должен был воспринимать только, как желание побесить его барское величество. Короче, чувствовала себя, словно Мата Харри, опасаясь лишь повторить ее судьбу.

А вот дальше все пошло как-то наперекосяк. Вернее, указания Невзрачного я выполнила идеально. На той встрече в сауне он велел мне всячески соблазнять Ильина-младшего, а затем спровоцировать скандал с вытекающей из этого коллективной дракой. Для чего, собственно говоря, и был нужен мой кавалер по задумке хитрого мужика. Тут все получилось без сучка, без задоринки.

Как-то странно сложилось с дочерью Охрицько. По версии Фомы я должна была проследовать за ней в туалет и там выстрелить. Однако Сашенька никакого пистолета мне не дал, а в драке с Ильиным принял участие с таким энтузиазмом, что я грешным делом заподозрила, не подыгрывает ли этот гад мне. Но тут же данную версию отмела по причине ее глупости. С чего бы Разумовскому помогать убийству сына своего шефа? Правильно. Не с чего.

Выстрел я, в отличие от всех, услышала сразу. В изум-

лении посмотрела на свои пустые руки, потом на упавшую девицу. Что за бред? Еще один стрелок? Откуда? Оглянулась в поисках Сашеньки, но мой герой пропал в мешанине тел. Однако между топчущихся ног вдруг мелькнуло лицо Ильина-младшего, лежавшее почему-то на полу. Присмотревшись, увидела лужу темно-бордового цвета, вытекающую из-под бока, на котором устроился мой несостоявшийся кавалер.

Именно в этот момент Разумовский выдернул меня из толпы и потащил на улицу.

Теперь мы мчали на полной скорости к моему временно-му пристанищу, и весь вид Сашеньки вопил о том, насколько он зол.

Заговорить барин изволил лишь, когда мы оказались внутри квартиры.

– Обязательно нужно было тереться об его член?

Я даже замерла от неожиданности на одной ноге, снимая жутко неудобные туфли.

– Что?

Переспросила на всякий случай. Вдруг мне с устатку померещилось.

– Я говорю, все вы бабы – шлюхи конченные.

– Вот ты дебил, однако.

Это все, что у меня крутилось в голове на данный момент.

Пошла в комнату, однако Сашенька рванул меня на себя, разворачивая и прижимая спиной к стене.

– А если бы мы просто там отдыхали, по-настоящему, без всяких интересов? Дала бы ему? Видела, как подвис на тебя молокосос?

Его рука потянула край моего и без того совсем не длинного платья вверх. Я дернулась, выворачиваясь из его рук. Куда там. Силен, гад. Мы стояли, соприкасаясь телами. Мое сердце молотилось, как сумасшедшее. Он смотрел прямо в глаза, рукой скользнув на ягодицы и принявшись их поглаживать.

– Отпусти.

– Уверена?

Я со всей силы оттолкнула Разумовского, отрываясь, наконец, от возмущающего все мои мысли и не только, мужского разгоряченного тела. Подошла к окну и уставилась в темноту улицы, всячески стараясь успокоиться.

Саша хмыкнул, не понятно, что желая этим сказать, а потом демонстративно лег на кровать, не снимая одежды и, закинув руки за голову, принялся изучать потолок.

За стеклом неожиданно пошел дождь. Теплый, майский, который я безумно люблю. Мне, вдруг, вспомнились мысли, однажды пришедшие с тоски в голову. Жить нужно здесь и сейчас, потому что завтра может вовсе не наступить.

Я подошла к кровати, забралась на лежащего там мужчину, который молча наблюдал мои перемещения, и стянула платье, позволив ему любоваться грудью, не запечатанной в бюстгальтер, маленькими кружевными трусиками и чулка-

ми.

– Если ты хоть как-то все это прокомментируешь, я тебя задушу.

Это были мои последние слова, сказанные в здравом уме. Дальше началось чистое сумасшествие. И, да, он оказался нереально классным любовником. Даже странно. Обычно красивые мужики считают, что в постели достаточно их присутствия. Разумовский же творил что-то невообразимое с моим телом. Он будто точно знал, где, как и сколько нужно ласкать руками или языком, чтоб я стонала, переходя на крик от сносящего башню удовольствия. Я ожидала какого-то, наверное, даже эгоизма с его стороны, но Саша не вошел в меня до тех пор, пока я не испытала несколько потрясающих оргазмов. Такое бывает? Серьезно? Ни на секунду у меня не появилось мысли остановить его. Даже если это больше никогда не повториться, что вероятнее всего, я была благодарна ему за то, что он сделал все так, как сделал.

Когда мы, наконец, оторвались друг от друга и Саша занулся, я осторожно вылезла из-под его руки, чтоб забраться на широкий подоконник и уставиться в ночную темноту. Мой телефон, лежавший рядом, завибрировал. Я открыла пришедшее со скрытого номера сообщение.

«Молодец. Все отлично. Приступаем к следующему этапу».

Глава IX

Полковник полиции Иван Иванович Зеленский сидел за своим большим рабочим столом, утирая пот со лба изрядно уже помятым платочком, украшенным вензелями. Свежий чистый кусок ткани, заботливо положенный супругой в карман кителя по утру, выглядел как грязная скомканная тряпка. А все потому, что день не задался с самого начала. Услышав новости, так взволновавшие его и без того вконец расшатанные нервы, Иван Иванович по первой даже не поверил. Это каким таким образом могло произойти двойное убийство в самом приличном месте города, а именно в клубе, которым Зеленский владел лично, но крайне скрыто от всех. Собственником значился его дальний родственник, и полковник уже не помнил его в лицо.

Так ладно убили бы какого-то обычного гражданина, залетного хотя бы. Нет. Злая судьба подкинула ему два крайне проблематичных трупа. Дочь мэра и сын местного авторитета. Первый закрывал глаза на совсем не соответствующие положению делишки Ивана Ивановича, а второй принимал в них самое непосредственное участие.

– Жопа. – Сказал полковник вслух, обращаясь то ли к небесам, устряпавшим ему такое испытание, то ли к самому себе, не до конца веря, что жизнь в ближайшее время станет крайне поганой.

Первым позвонил Охритько.

– Ну, здравствуй, закон и порядок.

– И тебе того же, Пётр Макарович.

– Того же чего?

Голос мэра звучал подозрительно елейно. А должен, вроде, рыдать и маяться. Может крыша у мужика с горя поехала?

– Ну... Этого... Здоровья.

– Какого на хер здоровья, когда мою дочь убили! – гаркнул Охритько так, что уши полковника заложило. – Убили мою кровиночку! В твоём вертепе! Как?! Как, я тебя спрашиваю, это могло произойти? Землю рой, весь город переверни с ног на голову, но чтоб нашёл мне этого уroda. Ясно? Иначе полетят твои звезды с плеч со скоростью кометы. Понял, скотина?!

Что ж тут не понятного. Всё предельно ясно. Либо голова убийцы, либо голова самого Зеленского.

Полковник отложил телефон в сторону, в который раз утирая пот. А ведь до пенсии совсем чуть-чуть осталось. Ну что за гадство? Тут же мобильник снова заиграл весёлую песенку, стоявшую на входящих звонках. Иван Иванович выматерился, увидев имя на экране.

– Здравствуй Фома Ильич. Соболезную.

– Свои соболезнования можешь засунуть в жопу, – Отрезал Ильин, сразу задавая тон их беседе. – Ты же в курсе, какой замечательный у меня был сын. Знаешь, почему я гово-

рю «был»? Потому что он теперь мёртв! Понимаешь? Врубашься? Слушай сюда, полковник, через два дня я хочу видеть перед собой того, кто это сделал. Не в камере, а подле меня. Буду судить его лично. Ты же хочешь и дальше заниматься своей должностью, а не оказаться там, куда отправляют ссучившихся ментов. Верно? Уловил мою мысль? Жду.

Зеленский снова отложил телефон в сторону. Потом подумал и засунул его в ящик стола, будто это что-то могло изменить.

Задолбали. Сын у него был хороший. Да маньяк конченный. Сколько раз его от статьи за изнасилование отмазывали. И не сосчитать. А наркота? А драки? Полковник не удивился бы, скажи ему кто-то, что Ильина младшего пришли за очередной финт. Ходил же, скотина, по самому краю. Привык папочку иметь за спиной и вконец охренел от этого. Прости Господи, нельзя плохо о мёртвых, но и хорошего сказать нечего.

– Иван Иванович, к вам посетитель. Говорит, вы его точно будете рады видеть.

Зеленский с тоской посмотрел на своего секретаря, сообщившего эту новость. Какой гость? Полковник был бы рад только если в его кабинет вошли бы живые здоровые детки этих двух уродов. Но чада, к сожалению, находились в данный момент на столах городского морга и облегчить участь полковника никак не могли.

– Зови. – Махнул Иван Иванович рукой, решив, что глуб-

же этой жопы уже ничего быть не может.

Ан – нет. Очень даже может. Посетитель появился и Зеленский понял, насколько ошибался. Данного индивида он знал, входя в ограниченный круг посвящённых.

– Здравия желаю, – Усмехнулся возникший в дверях Сыч, и прошёл к стоявшему с обратной стороны стола креслу.

«Сууууука...» – мысленно взвыл Иван Иванович, оскандившись застывшей на лице улыбкой.

– Чем обязан такому визиту?

– Да вот, зашёл новости обсудить.

– Какие новости? – Попытался изобразить дурака полковник, лихорадочно вычисляя интерес Сыча в этом грозившем кучей проблем деле.

– Перестань, Иван Иванович. Даже не смешно, ей-богу. Уже весь город обсуждает.

Зеленский с тоской посмотрел в сторону окна. Второй этаж. Даже не убьёшься при желании. А очень бы хотелось.

– Так вот, мил человек, я по какому поводу зашёл. Там... – в этом месте Сыч выразительно посмотрел куда-то вверх, намекая на очень далёкую высоту, – думают, что дело это – чистая случайность. Пьяная драка, в которой по роковому стечению обстоятельств погибли двое. Знаешь, бывает так.

То есть столичные хозяева не желают, чтобы убийство расследовалось, правильно понял Зеленский. Снова посмотрел на окно. Интересно, а если с разбегу и головой вниз? Вдруг получится-таки свернуть себе шею?

– Эти двое перехитрили сами себя, – продолжал посетитель, вызывая у хозяина кабинета острый приступ желчекаменной болезни, так сильно скрутило у него внутренности.

– Так это они что ли друг другу...

Полковник замолчал, страшась произнести вслух обрисовавшуюся в голове мысль. Сыч даже не прозрачно намекает, что дочку мэра уработали по приказу Ильина, а сынка авторитета – по решению Охрицько. Ситуация, бывшая некоторое время просто поганой, медленно, но верно превращалась в адский замес.

– Правильно мыслишь, полковник. Посему принято решение, раз они сами всю кашу заварил, так и расхлебывать тоже будут сами. Ты, конечно, суету создай. Побегай, покричи, подчинённых погоняй, но результат должен быть однозначный – пьяная драка.

Иван Иванович кивнул головой, всерьёз обдумывая вариант с микроинфарктом, который ему за соответствующую сумму устроит главврач городской больницы, являющийся по совместительству хорошим знакомым. А что? Полежать в платной палате, пока вся эта срань уляжется. Потому что сейчас стоял полковник, раскорячившись, как рыбак на разъезжающихся весенних льдинах. За одну ногу тянет Охрицько, за другую – Ильин, а к яичкам, зависшим над пропастью тёмной холодной воды подбираются руки московских хозяев.

– Ну, надеюсь, ты все понял. Бывай.

Сыч вышел из кабинета начальника ГУВД и направился в сторону ближайшего кафе, ради начавшегося лета, выставившего пластиковые столы под большими зонтами на улицу. Заказал себе чашку кофе, а затем достал телефон.

– Приветствую, Пётр Макарович. И соболезную, конечно. Насчёт Ильина-младшего. Все получилось, как ты уже в курсе. Нож в пьяной драке дело обычное. Вот с дочкой твоей вышла какая ерунда. Имеются у меня сведения, что в клубе присутствовал некий человек, гостящий у Фомы. Человек крайне интересный. Мой коллега, можно сказать. Да. Я видел его лично. Уверен, что пуля, прервавшая жизнь твоего чада, – его рук дело. Получается, пошёл Фома ва-банк. Сначала бабу твою грохнул, а потом дочку. Знаю, конечно, про телку. Как не знать? Положение обязывает. Видать решил дружок нахлобучит тебя по полной. Ты ревизию счетов проведи, кроме прочего. Что-то подсказывает мне, что по вопросам финансов там тоже кидок. Да, мил человек, взялся Ильин за тебя конкретно. Так что раньше надо было сыночка мочкануть. Раньше. Да. Ну, я предупредил, а ты дальше сам смотри. Мой совет какой? Я бы в этот раз сыграл на опережение. Думаю, загостился Фома Ильич на этом свете. Сам понимаешь. Спустишь смерть дочки, он вконец охамеет. Можно снова ту девку использовать, что денег должна. Ага. Теперь-то к нему просто так не подберешься, а красивая баба всяко с большим шансом. Ну, все, дальше сам кумекай.

Сыч сбросил звонок, отхлебнул ароматно пахнущий ко-

фе, который уже принесла шустрая официантка, и набрал другой номер.

– Приветствую, Фома Ильич. Горе, конечно, кто же спорит. Смотри в чем мулька. Дочушку твоего кореша мы красиво уговорили. Факт. Драка, туда-сюда. Не понятно, кто стрелял. А вот насчёт сына ты прости, не углядел. Только, сдаётся мне, была это вовсе не случайность. Сам рассуди, сначала на бабло Боров нагрел, а потом сына кончил. Думаю, хочет дружок тебя раздавить, что вшу. Сам понимаешь, стоит призадуматься. Ты эту девку, что денег должна, придержи подле себя. Сейчас успокоишься и мою правоту оценишь. Грохнет тебя Боров, как пить дать грохнет. Советую сыграть на опережение. Конечно, друг мой любезный, это же, прямо как на ладони. Помочь? Нет. В этом не могу. А вот идею какую подсказать, как на девку дружка твоего выманить, очень даже может быть. Ты же знаешь, охоч он до женских прелестей. Ох, как охоч. Хорошо. Покумекаю.

Сыч отложил, наконец, телефон в сторону и откинулся на спинку стула, подставляя лицо солнцу.

Вот уже двадцать пять лет он в этом бизнесе. Как только страна, на благо которой были положены лучшие годы жизни, повернулась к нему жопой, решил мужчина с неприметным лицом зарабатывать, как умеет. А умел Сыч только одно – убивать. В этом есть своя красота. Вот стоит человек живой, здоровый, а вот уже гниёт на кладбище, служа удобрением для березок и елочек. Боевое прошлое оказалось, как

нельзя кстати. Он не просто планировал заказ, он разрабатывал целую схему, с множеством элементов и составляющих. Потому и стал лучшим в этом деле. Прежде, чем нажать на курок или сунуть нож под ребро, Сыч всегда использовал непоколебимое правило. Пока все смотрят направо, ты идёшь налево.

– Огоньку не найдётся?

Рядом присел красивый черноволосый парень, лет двадцати пяти. Вернее, это Сыч доподлинно знал, что ему двадцать пять, а выглядел его долгожданный собеседник старше, ближе к тридцатнику. Правильно, сегодня – молодой студент, завтра – мужчина средних лет. Профессия обязывает.

– Задерживаешься, Стиллет.

– Так ты беседы вёл. Я тактично терся в сторонке. Уважаю, видишь ли старших.

Сыч усмехнулся. Уважает он, как же. Бабло и личные интересы.

– За парня деньги клиент переведёт сегодня. Чисто сработал, молодец. Получишь свою долю к вечеру. Бабу мэровскую тоже хорошо отработал. По версии следствия – жертва маньяка. Ты её для того поймел? Или просто по случаю? Да ладно, не отвечай. По херу, если честно. Директора зачем?

– Этот дрончла слышал мой голос, который, говорят точь в точь, как у отца. Ни к чему нам такие волнения?

– И то верно, – согласился Сыч, – ладушки, дальше я все сам. Чуток осталось. Ты бы валил из города. Тут, неровен

час, слишком шумно станет.

– Задержусь, пожалуй, на пару деньков.

– Личный интерес? Понимаю. Видел. Ну, развлекись пока что. А то, знаешь ли, двое нас на один город многовато как-то.

– Приятно было поработать, хотя и удивительно. Ты ж на парников сроду не брал.

– Многоходовочка, мил человек.

– Ясно.

Брюнет достал сигарету, прикурил от протянутой собеседником зажигалки и ушёл, не оглядываясь.

Очень хорошо, подумалось Сычу. Всё идёт, как и задумано. Нужно выждать совсем немного, и тогда начнётся основная часть этой увлекательной игры.

Глава X

Я проснулась. Рядом – никого. Ожидаемо. Но в груди как-то мерзко заныло. Впрочем, что меня удивляет? Запрыгнула вчера сама на мужика, тем более на какого? Разумовский может, например, пойти выносить мусор, встретить прекрасную дворничиху, и умчаться с ней в светлую даль.

Стараясь не предаваться душевным терзаниям, попыталась осмыслить свое положение на сегодняшний день. Я выполнила условие мэра. Соответственно, этот долг моей неуловимой подружки должен быть списан.

Сложнее с Фомой Ильичом. Вроде как результат достигнут, дочь Борова мертва, в чем я уверена на сто процентов. Правда выстрел сделан не моей рукой. Это как? Считается?

Входная дверь скрипнула, явив мне довольного Сашеньку, в руках которого наблюдался фирменный пакет супермаркета, расположенного неподалёку.

– Жрать у тебя вообще нечего. Ах, ну да. Прости. Не у тебя, а у гражданки Носовой. Какие-то консервы и каши. Я ни к котам, ни к веганам себя не отношу, поэтому вот, затарился немного.

Разумовский прошёл в кухню и принялся вытаскивать на свет божий всевозможную снедь. Колбаса, сыр, кусок мяса, видимо из расчёта, что кто-то его приготовит, багет, апельсины и даже пельмени. Такое чувство, что Сашенька собрал-

ся задержаться надолго. Не то, чтобы я против, но совершенно не люблю, когда очевидное становится невероятным. По всем параметрам он должен был исчезнуть из этой квартиры и, так думаю, из города, дабы скинуть с себя ответственность перед Фомой за столь чудесную меня. То, что между нами произошло, не было похоже на быстрый перепахон, скорее ближе к связывающему и обязующему сексу. Эта история точно не про Разумовского.

В чем тогда дело?

– Новости в инете уже смотрела?

Саша принялся готовить завтрак, повергая мою мятущуюся душу в ещё большие сомнения. Вид этого хищного самца, обязавшегося кухонным фартуком с игривыми вишенками да клубничками, вызывал у меня большое желание встряхнуть его широкие плечи и под пытками выяснить, отчего такая семейная идиллия у нас вырисовывается.

– Так вот, я в отличие от некоторых любителей поспать, проверил местные сайты. Драка в закрытом клубе со всеми вытекающими последствиями. Единственная, прямо скажем, не очень хорошая новость, под замес попал сын Фомы. Зарезали паренька, прикинь. Боюсь, он теперь лютует. Полетят головы.

Я сделала соответствующее выражение лица. Мол, ну, надо же, как неожиданно.

Саша резко бросил нож, которым кромсал ни в чем не повинную колбасу и, ухватив меня чуть выше локтя, поднял со

стула, на котором я так замечательно устроилась, опираясь головой о сложенные в замок ручки.

– А теперь очень внимательно тебя слушаю, милая моя Лизонька. Что за представление было с сыном Фомы? Для чего ты спровоцировала драку? Кто велел?

– С ума сошёл?!

Я вырвалась из его цепких пальцев, всячески демонстрируя возмущение.

– Хочешь сказать, что тот симпатичный парень, с которым, кстати, ты по своей воле сцепился, это сын Ильина?

По-моему, вышло убедительно. Не Фаина Раневская, конечно, но натуральности я постаралась добавить от души.

– А ты хочешь сказать, что была не в курсе?

– Естественно! Я что, обязана знать детей ваших боссов, которых бог его знает сколько есть, в лицо? Очумел? Красивый чувак весь вечер посылал в мою сторону флюиды, ты раздражал невероятно. Вот и сложилось. Хотела тебя позлить, если честно, потому что достал.

Разумовский уставился на меня своим бешеным взглядом, а я на него кристально чистыми глазоньками.

– Ну, ладно, – протянул Саша, вновь возвращаясь к колбасе, – пусть так.

Несколько минут молча терзал несчастное изделие мясокомбината, потом снова отшвырнул нож.

– Раздражал, значит?

Я тихонько принялась двигаться по стеночке к выходу. Не

тут-то было. Разумовский взял меня за талию, поднял, вынуждая обхватить его ногами, и принялся с потрясающей настойчивостью доказывать губами, что чувства, рождающиеся в моей душе от его персоны должны иметь смысл исключительно эротический и грешный.

Как-то незаметно мы переместились в сторону кровати. На очень долгое время я забыла обо всем и обо всех, погружаясь в эту чрезвычайно опасную пучину страсти, виновник которой, пока мы занимались любовью, не отрывал от моего лица чёрных, дьявольских глаз, из-за чего возбуждение, гуляющие в моей крови усиливалось десятикратно.

Будто прощается... Мелькнула горькая мысль на задворках моего сознания, но тут же улетучилась под натиском умелых мужских губ.

По завершении мой тигр даже не сбежал, а остался лежать рядом, чем я бессовестно воспользовалась, положив голову на сильную мужскую грудь и млея в его объятиях.

– Ты же понимаешь, если Фома узнает, по чьей вине началась драка, тебе триндец. Он даже на пять мултов забьет. Поверь, Ильин самый последний человек, с кем бы я советовал тебе вести душевные беседы. Все-таки очень уж у тебя красивые ноги. Будет жаль, когда их сломают.

Вся романтическая бурда сразу же улетучилась из головы. Умеет, однако, Сашенька обломать.

– Откуда он узнает? Ты же не расскажешь?

Я с надеждой посмотрела на лежащего рядом мужчину,

демонстрируя, свою нежность, ранимость и крайнюю нужду в защите.

– Вот хитрожопая стерва, – Усмехнулся Разумовский, – точно говорят, все проблемы от водки и от баб. Бухать я не бухаю, а вот бабы, конечно... Вернее в данном случае одна конкретная. Хочешь, чтоб я свою голову подставил? А на могилку плакать придется?

– Не прибедняйся, мой сексуальный тигр. Что-то подсказывает мне, не станет Фома применять к тебе такие серьезные меры. Больше скажу, сдается, что в случае вашего с ним конфликта быстрее цветочки понесут на могилку Ильина.

Саша промолчал, но аккуратно убрал мою голову со своей груди, встал и принялся собирать раскиданные по комнате вещи, чтоб одеться.

Сердце испуганно ухнуло вниз, замерев в районе пяток.

– Ты куда?

Спросила и тут же дала себе мысленную затрещину. Веду себя, как ревнивая жена. Дура, блин! Дура!

Разумовский, уже полностью упакованный, подошел, чмокнул меня куда-то в район темечка и направился к выходу. Едва захлопнулась дверь, я поджала ноги к животу, потому что внутри все выкручивало от боли, и тихо заплакала. Он не вернется.

Однако в коридоре снова слышались шаги. Саша встал у кровати, изучая меня с легким раздражением на лице.

– Да к Фоме я, идиотка. К Фоме. Ясно? Лучше сам наве-

даюсь, чем он нас пригласит.

Со словами: «Господи, за что мне такое наказание?» Разумовский покинул квартиру теперь уже наверняка.

Я быстро вскочила на ноги, метнулась в ванную комнату, чтоб обрести человеческий вид, и приготовилась ждать. Не прошло получаса, как зазвонил телефон.

– Через двадцать минут у меня в кабинете. Рысью.

Ни здравствуйте тебе, ни до свидания. Хотя я и без всяких политесов узнала голос Борова. Собственно говоря, именно этого звонка ждала. Ночь прошла, задание выполнено, он должен был объявиться, тем более, в свете происшествия с его дочерью. Удивительно, что зовет прямо в кабинет. Со всем очумел бедолага от горя.

Хорошо, что здание управы находилось на соседней улице, поэтому добежала я быстро. На все про все слишком мало времени. Того и гляди, Разумовский вернется, а меня дома в помине нет.

Пронеслась мимо ошалевшей секретарши, крикнув на ходу «Меня приглашали лично», заскочила в кабинет и рухнула на диван, тяжело дыша от марафонской дистанции.

Боров сидел за столом, бледный, с красными мешками воспаленных глаз. Наверное, мне нужно было его пожалеть, однако сострадания, почему-то я в своей душе не обнаружила.

– Ты видела?

– Чего?

Я, правда, совсем не поняла, о чем шел разговор.

– Кто стрелял, видела? Ты же там была?

– Нет. Вокруг меня самое основное действие развернулось.

Все время мелькали то Ильин, то его дружки.

– Ясно.

Боров немного помолчал, а потом продолжил.

– Долг прощу и заплачу сверху, если поможешь мне выманить Фому в укромное местечко. Озолочу. Хочешь, в думу депутатом воткнем тебя. Станешь жить на государственных харчах, как сыр в масле кататься.

Я активно замотала головой из стороны в сторону, искренне не желая становиться слугой народа. Этого мне еще не хватало. Так-то дура-дурой, а от власти совсем распояшусь.

– Если не поможешь, кончу.

С этими словами мэр, серьезный человек, защитник и опора горожан, вытащил небольшой пистолет и направил его прямо мне в лицо. Вот это крайне нежелательный поворот.

– Прямо сейчас кончу. Хочешь? Мне все равно ничего не будет. Приберусь тут по-тихому а тебя вывезут куда-нибудь в тенистое место под березку и все. Никто не вспомнит даже. Я узнавал. У тебя, Наталья Ивановна, родни совсем нет. Поможешь выманить Фому?

– Я со всем желанием, только как?

Говорила спокойно, равномерно, не меняя тембра голоса. По крайней мере именно так в учебниках по психиатрии советуют вести себя с сумасшедшими.

– Явишься к нему, скажешь, что была той ночью в клубе и все видела, но согласна информацию только продать. Назначишь встречу. Место я тебе назову. Это – старый заброшенный завод. Там никого никогда не бывает. Усекла?

– Конечно. Идти-то можно? И пистолетик спрячьте, а то, не ровен час, шамальнете мне промеж глаз, кто ж Вам тогда с Фомой поможет.

Мэр усмехнулся, но оружие убрал.

– А ты как-то изменилась. Похорошела, что ли. Не пойму.

– Так это со вчерашнего не умывалась. Косметика, салон красоты и все такое.

– Да? – удивился Боров. – Ну ладно, иди. На завтра нужно все устроить. Поняла? Время сообщу позже по телефону.

Я выскочила из кабинета и, снова взяв низкий старт, погнала к наташкиному дому. Едва успела заскочить в квартиру, скинуть шмотки и натянуть домашний костюм, нарисовался Разумовский.

Довольный. Улыбается.

– Ну? Что там? – Я прыгала вокруг него, исходя слюной от ожидания.

– Девочка моя, есть две новости. Одна хорошая. Вторая плохая. Вернее, даже три. Третья вообще дерьмо полное. С чего начинать?

– Да с чего-нибудь уже! Так ведь и помереть от нетерпения можно!

– Нет, Лизонька, помирать не надо, потому что я, знаешь

ли секс с мертвыми женщинами не приветствую, а познать твоего комиссарского тела хотелось бы еще много раз.

– Да блин! Скотина! Рассказывай!

– Ну, ладно. Давай с хорошей. О твоём непосредственном участии в организации драки, пусть и невольной, Фома не знает. Никто из свидетелей не помнит, с чего все началось, потому что просто не обратили на это внимания. Это – хорошая новость. Плохая – с прощением долга Ильин не торопится, потому что, хочет еще одно задание тебе дать, после чего клятвенно обещал не только отпустить, но и наградить.

В моей душе зашевелилось мерзкое такое подозренье.

– И откуда же царская щедрость? Что он хочет от меня?

– Видишь ли, Фома желает, чтоб ты завтра заманила Борова, который крайне падок на красивых женщин в одно укромное местечко, где, собственно говоря, между ними все и решится. Так сказать, останется только один.

Хорошо, что за моей спиной оказался диван, иначе села бы я прямо на пол.

Это вообще когда-нибудь закончится? Только, желательно, не моей безвременной кончиной, а каким-то мало-мальским хэппи-эндом, где я обязательно остаюсь живой, а если еще и счастливой, так вообще красотища.

– И как себе это Фома представляет? Мне что, явиться в управу города и его на поводке тянуть?

– Нет, мы решили, что ты пойдешь к нему на прием и пожалишься на бандита Ильина, который тебя угнетает и на

бабки опустить хочет. Пока будешь гориться, всплакнешь немного. Глазами своими красивыми похлопаешь, губами развратными пошлепаешь. Но только на расстоянии не меньше метра. Поняла?! – Рывкнул неожиданно Разумовский.

Вот блин, нашел время ревновать.

– Узнаю, что позволила ему ручонки распускать, грохну обоих. Его за то, что посмел, а тебя на всякий случай, чтоб нервы мне не трепала. Поманишь Борова красотой девичьей и назначишь встречу, чтоб передать якобы важные сведения о Фоме, за которые он тебя и прессует. А там Ильин сам разберется.

Господи, мелькнула в моей голове шальная мысль, если из этой истории я выйду целой и невредимой, обещаю кормить всех дворовых кошек, подавать всем встреченным нищим и стать послушной прихожанкой местного храма. Однако Господь знака никакого не подал, видимо, занятый в это время исключительно другими людьми.

Глава XI

Пётр Макарович Охрицько сидел в своём кабинете, испытывая огромное желание взять Стечкина и пойти стрелять хоть в кого-нибудь. Машкина смерть подкосила его сильно. Особенно невыносимо становилось дома, когда он видел свою почерневшую от горя супругу. Настя будто сошла с ума. Сидела, раскачиваясь, в дочкиной комнате и тихонько подвывала, перебирая детские фотографии своего единственного ребёнка, который больше никогда не подойдёт, не обнимет, на прошепчет потихоньку на ушко: «мама, я тебя люблю».

Это было невозможно, смотреть, как сильная женщина, в свое время пробивавшаяся к стабильному будущему вместе с ним практически под пулями, теперь превратилась в убитую горем старуху.

Для себя мэр решил однозначно, найдётся та сволочь, что выстрелила в Машку, не будет никакого уголовного дела. Он собственноручно накажет виновного. Сначала вырвет по одному ногтю с каждого пальца, потом сломает все те кости, которые в человеческом теле способны сломаться от удара хорошим молотком, а вот уже потом замочит убийцу, наслаждаясь гаснущей в глазах искрой жизни. Может тогда его сердце успокоиться?

Да. Только так. Неожиданно дверь открылась и на пороге

возникла Носова, смущённо хлопая глазами и одергивая достаточно короткую юбку.

Это ещё что за явление?

– Ну, что? Виделась с Фомой?

– Ага. Виделась. Как же не видеться. Сделала все, как Вы сказали. Вечером в одиннадцать часов он ждёт меня на территории завода. Велела, чтоб приходил один, потому как ужасно боюсь мести с Вашей стороны. А если тайну знают больше, чем двое, то велик шанс утечки информации. Он повёлся.

Боров довольно кивнул, однако девица не уходила, переминаясь с ноги на ногу. Потом, словно приняв какое-то важное решение, прошла таки дальше и уселась на диван, закинув одну нижнюю конечность на другую. С удивлением Охрицько вдруг понял, что конечности эти весьма хороши. Стройные и бесконечно длинные, даже удивительно при отнюдь не высоком росте, они вдруг стали манить Петра Макарович, словно пресловутые красные труселя, столь популярные благодаря одной весьма смешной передаче, шедшей по молодёжном федеральному каналу несколько лет.

«Вот оно че, Петрович» – мелькнула фраза из того же юмористического шоу в голове градоначальника.

– Я тут подумала, – девица глубоко вздохнула, волнуя взгляд Борова достаточно объёмной грудью, выглядывающей из выреза блузки. – Может стоит закрепить наше сотрудничество более близким общением?

В этот момент она провела рукой по ноге, от колена до бедра, однозначно давая понять, что имеет в виду под этими словами.

А ведь девка-то страсть, как хороша, с удивлением констатировал мэр, испытывая прилив неожиданного возбуждения от этого простого жеста. Он поманил её рукой. Носова послушно встала, чтоб подойти ближе.

– Ну-ка, обопрись о стол и нагнись вперёд.

Блондинка с выражением абсолютной покорности на лице проделал все озвученные Петром Макаровичем манипуляции.

Какой изгиб спины! Боров представил себя, пристроившегося к ней сзади, и почувствовал, что в штанах зашевелилось от нежданной радости его мужское достоинство. Вот это поворот, однако. Прилив возбуждения был настолько сильным, что мэр даже зачмокал толстыми губами от восторга. Так сильно его привлекала только Маргоша. Что же делать? Поиметь девку прямо здесь? Нет. Так не пойдёт. Ему хотелось оторваться по полной. Трахать эту неожиданно ставшую чрезвычайно горячей штучкой девицу всеми возможными способами.

– Я тут взяла на себя смелость. Сняла квартирку на сутки, как раз неподалеку от того самого завода. Чтоб нам не светиться в моей. Хочу пригласить Вас на чаепитие, часиков так в пять. Успеем узнать друг друга поближе, а потом как раз отправитесь на свою важную встречу с Фомой.

Боров быстро прикинул в уме. Ильина он будет ждать в засаде один, потому что убить его хочет своими собственными руками. Значит, ничто не мешает ему отыметь эту сучку, а потом отправиться в приподнятом настроении на разборку с бывшим дружкой. Да. Так, пожалуй, на самом деле будет лучше всего, потому что с тоски крыша едет ускоренными темпами, а мочить Ильина хотелось долго, с наслаждением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.